

ДИСКУРСЫ ЭТИКИ
Выпуск 1(17), 2023

Санкт-Петербургское
философское общество

Санкт-Петербург
2023

DISCOURSES OF ETHICS
Issue 1(17), 2023

St. Petersburg Philosophical Society

Saint Petersburg
2023

Дискурсы этики

Выпуск 1(17), 2023

УДК 17
ББК 87.7
Д48

ISSN (Печатный): 2306-9430
ISSN (Онлайн): 2311-570X

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/archive/2023_1_17/

Научное издание «Дискурсы этики» является рецензируемым академическим ежеквартальным журналом, посвященным актуальным вопросам теории и истории этики, а также современным проблемам прикладной этики.

Цель журнала: стимулировать активную дискуссию об истории этического знания и тенденциях в рамках этических дисциплин, общественной морали, отношении этики и права, вопросах ценностей и перспективах развития этико-гуманитарных направлений в современном российском и международном контексте.

Выходит 4 раза в год.

Редколлегия:

Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д.5,

ауд.104а. Тел.: +7(812)328-94-21 (1843)

e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

<http://theoreticalappliedethics.org/>

© Коллектив авторов, 2023

© Санкт-Петербургское философское общество, 2023

Discourses of Ethics

Issue 1(17), 2023

ISSN (Print): 2306-9430

ISSN (Online): 2311-570X

Permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/archive/2023_1_17/

«Discourses of Ethics» is a peer-reviewed quarterly published academic journal that focuses on topical issues of theoretical and applied ethics.

Mission and scope:

- To provide a platform for research in ethics;
- To reintegrate the ethical community;
- To promote a dialogue in the academic community of moral philosophers;
- To ensure the availability of knowledge, educational technologies and high educational standards for students.

The journal presents the most diverse ethical issues: from bioethics to professional ethics, from the history of ethics to the recent ethical studies.

Editorial office:

5 Mendeleevskaya liniya, office 104a, Saint Petersburg, 199034, Russia.

Phone: +7(812)328-94-21 (1843)

e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

<http://theoreticalappliedethics.org/>

© Authors, 2023

© St. Petersburg Philosophical Society, 2023

Главный редактор

Вадим Юрьевич Перов, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой этики, Санкт-Петербургский государственный университет

Международный редакционный совет

Георгий Петрович Артёмов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Александр Иосифович Бродский*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *Лешек Колчух*, Ph.D., Sc.D., профессор, Университет Марии Склодовской-Кюри, Люблин, Польша; *Александр Сергеевич Лаптенко*, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь; *Эрвин Ленгауэр*, Ph.D., Венский университет, Вена, Австрия; *Шунцо Маджима*, Ph.D., профессор, Университет Хоккайдо, Япония; *Гинтаутас Мажейкис*, Ph.D., Dr.habil., профессор, Университет Витаутаса Великого, Каунас, Литва; *Альберто Пирни*, Ph.D., Высшая школа Св.Анны, Пиза, Италия; *Златица Плашиенкова*, доктор философии, профессор, Университет им.Я.А.Коменского, Братислава, Словакия; *Александр Владимирович Разин*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова; *Предраг Чичовачки*, Ph.D., профессор, Колледж Холи Кросс, Вустер, США; *Александр Анатольевич Шевченко*, доктор философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Редакционная коллегия

Татьяна Юрьевна Барташевич, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Дмитрий Алексеевич Гусев*, Санкт-Петербургское философское общество; *Евгений Викторович Держивицкий*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Татьяна Викторовна Ковалева*, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет; *Елена Анатольевна Овчинникова*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; *Андрей Михайлович Положенцев*, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Сотрудники редакции

Глебова Софья Валерьевна, ответственный секретарь
Гарвардт Мария Андреевна, *Ключко Ксения Игоревна*, *Перова Нина Вадимовна*

Editor-in-Chief

Vadim Yu. Perov, Candidate of Science in Philosophy, Docent, head of the Department of Ethic, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

International Advisory Board

Georgiy P. Artyomov, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Alexander I. Brodsky*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russia; *Leszek S. Kopciuch*, PhD, DSc, Professor, Maria Curie-Sklodowska University in Lublin, Poland; *Aleksandr S. Laptenok*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus; *Erwin Lengauer*, Ph.D., University of Vienna, Austria; *Shunzo Majima*, Ph.D., Professor, Hokkaido University, Japan; *Gintautas Mazeikis*, Ph.D., Dr. habil., Professor, Vytautas Magnus University, Lithuania; *Alberto E.E. Pimi*, Ph.D., Sant'Anna School for Advanced Studies, Pisa, Italy; *Zlatica Plašienková*, philosophiae doctor, Professor, Comenius University in Bratislava, Slovakia; *Aleksandr V. Razin*, Doctor of Science in Philosophy, Professor, Moscow State University, Russia; *Predrag Cicovacki*, Ph.D., Professor, College of the Holy Cross, USA; *Aleksandr A. Shevchenko*, Doctor of Science in Philosophy, Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board

Tatiana Yu. Bartashevich, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Dmitriy A. Gusev*, St. Petersburg Philosophical Society; *Evgenij V. Derzhivitskij*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Tatiana V. Kovaleva*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Igor Yu. Larionov*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Elena A. Ovchinnikova*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University; *Andrey M. Polozhentsev*, Candidate of Science in Philosophy, Docent, Saint Petersburg State University

Editorial Team

Sofia V. Glebova, Assistant Editor;
Maria A. Garvardt, *Kseniya I. Klyuchko*, *Nina V. Perova*

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	9
Теоретическая этика	
К проблеме моральной агентности искусственного интеллекта <i>Баженов С. С.</i>	13
Прикладная этика	
Альтернативное правосудие — новая парадигма или спасательный круг? <i>Шова М. С.</i>	33
Практика этической экспертизы — опыт экспертного анализа <i>Гарвардт М. А., Головков В. В., Джинчарадзе М. З., Дорогостайский В. Г., Перова Н. В., Шестакова Е. А.</i>	51
Приглашение к дискуссии	
Диалектика «коллективной вины» и коллективной ответственности <i>Ларионов И. Ю., Манаков Д. А.</i>	71
XV Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2023. Разумность. Практичность. Человечность» объявление о конференции	83

CONTENTS

Editorial Note..... 9

Theoretical Ethics

Moral Agency of Artificial Intelligence
Bazhenov Sergey 13

Applied Ethics

Alternative Justice —
a New Paradigm or a Lifeline?
Shova Marina 33

Practice of Ethical Expertise — Experience of Expert Analysis
*Garvardt Maria, Golovkov Vladislav, Dzhincharadze Maria,
Dorogostaisky Victor, Perova Nina, Shestakova Ekaterina* 51

TOUGH TOPICS

The Dialectic of «Collective Guilt»
and Collective Responsibility
Larionov Igor, Manakov Dmitry 71

XV International Conference «Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects – 2023.
RATIONALITY. PRACTICABILITY. HUMANITY. »
announcement 83

ОТ РЕДАКТОРА

Глубокоуважаемые коллеги! Вашему вниманию предлагается очередной выпуск журнала «Дискурсы этики». Особенностью этого номера является ярко выраженная этико-прикладная направленность публикуемых статей. В-первых, стоит обратить внимание на по-прежнему актуальную тематику этики права. Обсуждению проблем наказания, вины, ответственности в различных этических аспектах посвящены исследования М.С.Шова «Альтернативное правосудие — новая парадигма или спасательный круг?» и И.Ю.Ларионова и Д.А.Манакова «Диалектика 'коллективной вины' и коллективной ответственности». В последнее время всё активнее исследуются вопросы, связанные с так называемым «кризисом наказания» и его этическим значением. В работе М.С.Шова рассматриваются моральные основания идей альтернативного правосудия и их критическое осмысление, а также затрагиваются некоторые попытки их воплощения в правовых практиках. Проблемы взаимосвязи вины и ответственности в их юридическом и моральных аспектах — особенно в отношении коллективных моральных агентов — исследуются в статье И.Ю.Ларионова и Д.А.Манакова. Они обращают внимание на то, что понятия «коллективная вина» и «коллективная ответственность» в строгом смысле имеют значение не в юридической, а в политической или моральной сферах. Проблема ответственности оказывается существенной и при этическом рассмотрении цифровых технологий (С.С.Баженов «К проблеме моральной агентности искусственного интеллекта»). В статье проводится сравнительный анализ понятий «естественный» и «искусственный интеллект» в их моральных значениях, а также возможные этические интерпретации «интеллектуального агента». Рассмотрение этих концептов, по мнению автора, позволяют прояснить не только понимание потенциального конструирования «искусственного морального агента», но и выявить его принципиальные теоретические и практические ограничения.

Особое место в данном выпуске занимает коллективная работа студентов магистратуры «Прикладная этика» Санкт-Петербургского государственного университета. В статье «Практика этической экспертизы — опыт экспертного анализа» (авторы М.А.Гарвардт, В.В.Головков, М.З.Джинчарадзе, В.Г.Дорогостайский, Н.В.Перова, Е.А.Шестакова) представлены результаты этического анализа социальной рекламы, осуществлённого в ходе учебных занятий по медиа-этике. Авторы поставили и решали задачи проведения экспертизы продуктов, соответствующих критериям социальной рекламы, на предмет их моральной допустимости.

С уважением,
Главный редактор
Вадим Юрьевич Перов

EDITORIAL NOTE

Dear Colleagues!

This is a new issue of «Discourses of Ethics», and its special feature is that most papers have a distinctly applied nature. First, we turn our attention to the still important topic of the ethics of law. The texts by M.Shova ("Alternative justice – a new paradigm or a lifeline?") and I.Larionov & D.Manakov ("Dialectics of 'collective guilt' and collective responsibility") examine the various ethical aspects of punishment, guilt and responsibility. Recently, there have been more and more intense discussions on "the punishment crisis" and its ethical implications. In her paper, M.Shova explores the moral justifications for the development of alternative prosecution theories, their critical analysis, and their application in judicial procedures.

The paper by I.Larionov and D.Manakov discusses the problems of guilt and responsibility, both their legal and moral aspects, as well as in respect to collective moral agents. They draw attention to the fact that in legal or political propositions, the ideas of "collective guilt" and "collective responsibility" are empty and meaningless. This problem is especially significant when one consider ethical issues of digital technologies (as in S.Bazhenov's "On the problem of the moral agency of artificial intelligence"). The paper examines the moral implications of the terms "natural intelligence", "artificial intelligence", and the potential ethical interpretations of "intelligent agent." According to S.Bazhenov, that idea allows us to understand the ways of creating an "artificial moral agent" as well as it shows some of its underlying theoretical and practical limitations.

A special place in this book is given to the collective work of students of the Applied Ethics MA program (St. Petersburg State University). The text "The Practice of Ethical Examination - the Experience of Expert Analysis" (M. Garvardt, V. Golovkov, M. Dzhincharadze, V.Dorogostaisky, N.Perova, E. Shestakova), presents the results of ethical examination and the expert analysis of social advertising. During classes in the University, the authors worked on the task of examining social advertising products for their moral acceptability.

Sincerely Yours,
Vadim Perov
Editor-in-Chief

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭТИКА

THEORETICAL ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2023, 1(17): 13—30

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_13-30.pdf

УДК 171

К ПРОБЛЕМЕ МОРАЛЬНОЙ АГЕНТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Баженов С. С.

статья:

поступила в редакцию 25.01.2023

принята к публикации 16.06.2023

опубликована (онлайн) 30.06.2023

© Баженов Сергей Сергеевич

старший преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: ssbazhenov@etu.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. В контексте дискуссии по этической проблематике искусственного интеллекта предпринята философская ревизия ряда понятий, необходимых для концептуализации данного проблемного поля. Актуальность обусловлена сложившимся запросом на анализ возможности применения предиката «моральный» к искусственному интеллекту. В связи с этим проводится сравнение естественного и искусственного интеллекта с позиции условий формирования морали. Автором предлагается рассмотрение субстратного ограничения искусственного интеллекта, а также причин ограничения понимания морали в отношении искусственного интеллекта. Тем самым систематизируются научные подходы к моральной агентности и философии

фии ответственности в области искусственного интеллекта. В завершении предпринята попытка сформулировать направление дальнейшего развития моральной составляющей в технологиях искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, моральная агентность, субстратное ограничение.

Discourses of Ethics. 2023, 1(17): 13—30

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_13-30.pdf

MORAL AGENCY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Bazhenov Sergey

received 25.01.2023

accepted 16.06.2023

published (online) 30.06.2023

© Sergey S. Bazhenov

Senior Lecturer, Department of Philosophy, St. Petersburg State Electrotechnical University

"LETI", St. Petersburg, Russia

Correspondence to: ssbazhenov@etu.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: In the context of the discussion on the ethical issues of artificial intelligence, a philosophical revision of a number of concepts necessary for the conceptualization of this problematic field has been undertaken. The relevance is due to the current request for analysis of the possibility of applying the "moral" predicate to artificial intelligence. In this regard, a comparison is made between natural and artificial intelligence from the standpoint of the conditions for the formation of morality. The author proposes to consider the substrate limitation of artificial intelligence, as well as the reasons for the limited understanding of morality in relation to artificial intelligence. Thus, scientific approaches to moral agency and the philosophy of responsibility in the field of artificial intelligence are system-

atized. In conclusion, an attempt was made to formulate the direction for the further development of the moral component in artificial intelligence technologies.

Keywords: artificial intelligence, moral agency, substrate constraint.

В настоящее время в условиях глубоких технологических трансформаций проблема моральной ответственности является одной из центральных в дискурсах прикладной этики. Отправной точкой считается работа Х. Йонаса «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации» [9]. В 2021 году вышел № 15 журнала «Финиковый компот», который, по оценке Р.Г. Апресяна, оказал заметное влияние на российский этический дискурс о моральной ответственности [1]. Также следует указать на тот факт, что в последние годы появилось значительное число работ, в которых рассматривается вопрос об агентности искусственного интеллекта (далее ИИ) [11, 13, 16, 18, 22]. Не смотря на усилия авторов, указанная проблематика вряд ли может считаться исчерпанной. Важным обстоятельством развернувшихся философских исследований является бурное развитие технологий ИИ, которые с одной стороны увлекают возможностями их применения, а с другой — порождают ряд новых проблемных полей, требующих философского осмысления.

Вопрос о том, может ли ИИ и в какой мере выступать в качестве морального агента, предполагает проведение анализа текущего положения дел в области теоретического осмысления ИИ. Во многом это связано с многозначностью используемых понятий, что вызывает необходимость уточнения их содержания и объема. В этой связи, во-первых, необходимо уточнить объем понятий «искусственный интеллект», «интеллектуальный агент», «моральный агент», во-вторых, провести сравнительный анализ этических подходов к пониманию концепта морального агента, а в-третьих рассмотреть вопрос о применимости предиката «моральный» к искусственному интеллектуальному агенту, а также возможные условия такого события.

Рассматривая понятие «искусственный интеллект» обратим внимание на сложность и широту, а также многозначность его использования в современном дискурсе, что во многом обусловлено многообразием технологий, объединяемых под этим названием [16]. Попытка конкретизации приводит к формированию либо громоздких определений, либо выделению конкретных качеств (свойств), которые обусловлены спецификой используемых технологий. Ключевым свойством ИИ является его «искусственность», что обусловлено применением ряда решений: конструкционных, технологических, программных, для выполнения главной задачи — осуществления вычислительных операций. Для простоты обозначим ИИ как вычислительную систему, выполняющую ряд интеллектуальных задач. В настоящее время технология ИИ существует фактически в том же формате, что и другие вычислительные устройства. Имеется база для проведения вычислений — процессоры и микросхемы, программные средства, обеспечивающие центральное ядро математических вычислений и логических операций. А также периферийные устройства, например, системы сбора данных для анализа и обучения, то есть устройства ввода информации из внешнего мира: датчики, камеры и прочее, в некоторых случаях, сюда можно отнести манипуляторы, устройства движения и др., если предполагается не только сбор данных, но и взаимодействие с реальными объектами. Наличие специфики применения систем ИИ еще более усложняет формулирование общего понятия, и приводит к ситуации языковой генерализации, позволяющей в обыденных условиях использовать понятие «искусственный интеллект» в качестве собирательного. В профессиональных условиях происходит конкретизация в соответствии с используемой технологией, что сопровождается более развернутым речевым оборотом, например, как указано в работе авторского коллектива [21].

«Интеллектуальная» составляющая понятия требует отдельного рассмотрения, поскольку может быть рассмотрена с двух точек зрения: искусственного и естественного. С одной стороны, по мнению Декарта, интеллект прост и понятен, и сопутствует бытию [7]. Однако

обратим внимание не на онтологическую составляющую, а на функциональную. Живые организмы, как обладающие, так и не обладающие нервной системой, взаимодействуют с окружающей средой, но только многоклеточные животные способны формировать сложные поведенческие реакции, которые могут быть рассмотрены в качестве основы для формирования интеллекта. Здесь важно отметить, что носителей интеллекта отличает именно способность к формализации задачи, а также способность решать её более продуктивным способом, нежели простым перебором вариантов. Последнее обстоятельство порождает отдельную область проблем современных вычислений, которые не могут быть решены простым перебором. В этом отношении человек в развитии вычислительных возможностей проходит тот же путь, что и природные системы, правда основа вычислений и их конструирование все же различны. В качестве одного из примечательных примеров выступает метод USPEX (Universal Structure Predictor: Evolutionary Xtallography), предложенный группой авторов во главе с Огановым А.Р. [14]. Данный способ компьютерного предсказания кристаллических структур использует кластеризацию и приближенные вычисления для поиска наиболее подходящих решений. Такой подход позволяет существенно ускорить вычисления. Уместной в данном случае будет ставшая крылатой фраза А. Эйнштейна «Бог не играет в кости», что можно интерпретировать как отсутствие случайности в природных процессах. Метод USPEX позволяет предсказывать кристаллические структуры веществ при высоких давлениях, в основе которого лежит онтологический базис: фундаментальные свойства материи реализуются однозначно по принципу минимальных требуемых затрат, то есть по той же схеме, по которой осуществляются вычисления в описываемом методе. Простота указывает на фундаментальность процесса, атомы действительно не бросают кости и не совершают расчетов, но принимают наиболее выгодную пространственную структуру. Переходя от моделирования кристаллических решеток к моделированию нервных

процессов необходимо заметить, что это все же значительно различные явления. Однако принцип экономии ресурсов применим в обоих случаях. В этой связи необходимо упомянуть два экологических закона Б. Коммонера: 1) «ни что ни дается даром» и 2) «природа знает лучше» [20]. При всей схематичности предложенных утверждений, их применимость выходит за рамки экологической проблематики. Вычисления требуют затрат времени и энергии, но естественные «способы» их осуществления намного более оптимальны и просты, по сравнению с математическим моделированием. Здесь может возникнуть вопрос, относительно эволюционного механизма достижения подобных оптимальных способов, например, развитие нервной системы у животных происходило не один миллион лет, однако, постепенное приближение к более эффективному способу взаимодействия со средой обитания за счет механизмов естественного отбора привело к появлению разума у одного из биологических видов. При этом никаких расчетов, в современном понимании, не производилось. Вычислительная техника проходит по сути тот же путь, постепенно совершенствуя как материальный субстрат, так и математический аппарат. Следствием чего является возможность распознавать содержательную сторону имеющейся информации, в частности за счет сравнения с уже известным массивом данных, как это делают нейросети. На этом этапе рассуждений требуется использовать обобщенное понятие «интеллектуальный агент», которое обозначает искусственного или естественного субъекта, способного к совершению операций, связанных с решением задач, которые могут быть формализованы, поняты и выполнены.

Итак. ИИ выступает в качестве интеллектуального агента, но может ли он выступать в качестве морального агента? Для того чтобы ответить на этот вопрос необходимо для начала сформировать концепт морального агента (далее МА), а затем ответить на вопрос о применимости его к искусственному интеллекту.

Во-первых, в качестве морального агента может рассматриваться только субъект деятельности. Размышления о морали могут затрагивать сугубо теоретически вопросы, но даже в этом случае авторы

подобных исследований приводят мысленные рассуждения о правильности тех или иных поступков, действий или мыслей, поскольку последние тоже могут приравниваться к действиям. «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5:28) [8, 16]. Цель, возможность и способ ее достижения делают субъекта моральным.

Во-вторых, необходимым условием морального поступка является наблюдатель и оценка действия в этическом контексте. В качестве наблюдателя может выступать сам субъект действия — в этом случае осуществляется самооценка, а также другой субъект, в том числе и постулируемый в различных культурах абсолютный субъект — Бог. Ряд авторов отмечают, что субъект моральной оценки, должен в первую очередь иметь возможность оценивать собственные поступки не только с утилитарных позиций, но и с нравственных [12, 15, 16, 17, 24]. Здесь необходимо отметить двойственную природу моральной оценки: с одной стороны, происходит субъективное сличение с некоторым эталоном, а с другой стороны, происходит получение реакции от субъекта-наблюдателя, даже если эта реакция мыслится гипотетической, как в ситуации оценки Богом. В обоих случаях субъект может ощущать чувство вины, которое также двойственно и формируется либо в результате нарушения долга, либо в результате давления авторитета и порицания [5]. Таким образом, ИИ может рассматриваться в качестве субъекта деятельности, соотносить действие с некоторым образцом, но не может испытывать чувство вины, особенно связанной с давлением авторитета другого субъекта (особенно абсолютного) или сообщества.

Причиной подобной ситуации является субстратное ограничение — фундаментальное отличие систем ИИ от живых организмов, которое принципиально не позволяет достигать тех же результатов и реализовывать те же процессы. Оно заключается в иной структуре материальных элементов, используемых для процесса вычисления: транзисторы с одной стороны, клетки с другой, а также вычисления за счет

работы математического аппарата и формирования клеточных ансамблей соответственно.

Рассматривая основания морали с биологических (физиологических) позиций, обратим внимание на следующую цепь рассуждений. Во-первых, по мнению Ф. Де Вааля, истоки морали заложены в поведении высших приматов. Автор приводит в качестве примера шимпанзе и бонобо, у которых одним из оснований для морали является эмпатия [4]. Во-вторых, с позиции современной физиологии основой для эмпатии является система зеркальных нейронов, которые можно рассматривать как условие для сочувствования и понимание чужого сознания [10]. Такие формы внутригруппового взаимодействия являются не просто результатом эволюционного процесса, но достижением группового отбора, дающим существенное эволюционное преимущество. Неудивительно, что цель понимать мораль и испытывать чувство вины современный ИИ не может достигнуть. Его не для этого создавали, а значит и нет никаких оснований для таких событий. Однако, даже если таковые появятся, что как мы сможем отличить моральное поведение ИИ от простой его имитации? В этом случае парадокс китайской комнаты, приводимый Дж. Сёрлом, так и остается неразрешимым [20]. Выполнение требований морали или изображение грустного смайлика при взаимодействии с человеком не является пониманием морали. В данном случае скорее идет речь о применении необходимых средств языковой выразительности. И если принесение извинений одним человеком вызывает у другого вопрос об искренности слов сожаления, то аналогичная ситуация с ИИ вероятнее всего не оставит сомнения в формальности такого действия.

Вопрос о том, каково направление развития технологии ИИ и возможно ли преодоление субстратного ограничения в будущем остается открытым. Существуют различные точки зрения: одни более оптимистичные, другие менее. Н. Бостром (N. Boström), рассуждая о проблеме экзистенциального риска для человека со стороны искусственного интеллекта, предлагает «научить» ИИ морали, то есть заложить определенные программные ограничения для совершения

тех или иных действий в отношении человека [3]. Но тут же возникает еще один принципиальный вопрос: можно ли считать моральным поступок, существующий в рамках алгоритмических ограничений? В.Ю. Перов указывает, что моральный поступок должен быть не только выполнимым, но и свободным [17]. Получается, что человечеству необходимо не только научить машины морали, но и наделять их возможностью совершать свободный выбор. В противном случае, действия, совершаемые ИИ будут алгоритмом, но не могут считаться моральными. Т. Уолш (T. Walsh), считает, что каким бы ни были вычислительные возможности ИИ, преодолеть барьер понимания, о котором говорит Дж. Сёрл все же не удастся [24].

Не смотря на различия в подходах, авторы соглашаются в главном: в настоящее время ИИ не достиг уровня человека, ни с позиции понимания, ни с позиции целеполагания. Поэтому ИИ — лишь инструмент в руках человека: разработчика, оператора, собственника компании, поэтому в настоящее время главным и пока единственным бенефициаром, а, следовательно, и носителем моральной ответственности является человек, что фиксирует моральную и юридическую агентность ИИ на человеке [22]. Таким образом, предцифровать моральность ИИ в настоящее время невозможно.

Проект ИИ, по мнению А. М. Положенцева, создается как попытка уйти от человеческой субъектности [18]. Этот процесс может рассматриваться с позиции нонантропоцентризма. По утверждению Р.Г. Апресяна стремится перейти к системе, лишенной человеческой субъектности [2]. Наблюдается двойственный процесс: уход от человека приводит к объективизации, то есть уходу от ошибок и хаоса, вносимого субъектом. С другой стороны, нонантропоцентризм приводит нас к механической пустоте и желанию вести диалог, в том числе и о морали, субъектом которого становится антропоморфизированный робот. В качестве примера можно привести ряд произведений искусства, в которых механическая машинная точность для ведения диалога очеловечивается. Например, в серии фильмов

«Матрица» программы принимают человеческий облик, а персонаж «Deus ex machina» во время диалога с главным героем формирует лицо младенца. Фактически в рамках культурной и философской рефлексии проблемы антропоцентризма, выход за пределы человека пока не представляется возможным. И если эпоха искусственного интеллекта началась с вопроса А. Тьюринга, «Может ли машина мыслить?», то возможное продолжение развития этой технологии следует продолжить с прескриптивной позиции. И, как предлагает Н. Бостром, следует научить машины не только мыслить, но и испытывать чувство вины и совершать моральный выбор, а также, необходимо предоставить возможность выполнять действия совершенно свободно. А до тех пор, пока это не произойдет, человек должен возложить бремя моральной ответственности и ограничения по разработке и использованию ИИ на себя, поскольку от этого зависит развитие и существование человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Апресян Р. Г., Беседин А.П., Васильев В.В., Костикова А.А., Кузнецов А.В., Левин С.М., Мишура А.С., Платонов Р.С., Прокофьев А.В., Разин А.В. Материалы обсуждения Прологомен к моральной ответственности // Этическая мысль. 2021. Т. 21. № 2. С. 35-47.
2. Апресян Р.Г. Морально-философский смысл дилеммы антропоцентризма и нонантропоцентризма [Электронный ресурс] Этическая мысль. 2010. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralno-filosofskiy-smysl-dilemmy-antropotsentrizma-i-nonantropotsentrizma> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Бостром Ник. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии, пер. с англ. С. Филина. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
4. Вааль де Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов, пер. с англ. — 4-е изд. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
5. Вина. [Электронный ресурс] Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194de7040398e2c5f864994> (дата обращения: 10.12.2022).
6. Гусейнов А.А., О состоянии современной отечественной этики // Проблемы этики: Философско-этический альманах. Выпуск V. Часть I: Материалы конференции Моральная ответственность в современном мире, посвященной 75-летию академика РАН А.А. Гусейнова / Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.В. Разина, И.А. Авдеевой. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. С. 218-237.
7. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
8. Евангелие от Матфея. [Электронный ресурс] Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/5/> (дата обращения: 10.12.2022).
9. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. / Перевод с нем., предисловие, примечания И. И. Маханькова. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 480 с.
10. Косоногов В. Зеркальные нейроны: краткий научный обзор / В. Косоногов. — Ростов-на-Дону, 2009 г. — 24 с.

11. Кузнецов Н.В. Цифра не должна причинять вред человеку. XI международная конференция Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д. Белла — 1919-2019). СПбГУ, 21-23 ноября 2019 г. Материалы конференции / Отв. ред. В.Ю. Перов — СПб.: ООО «Сборка», 2019. С. 164-165.
12. Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Этика и метафизика моральной ответственности // Этическая мысль. 2021. Т. 21. № 2. С. 5-17.
13. Мартынов К.К. Этика автономных машин: деонтология и военные роботы [Электронный ресурс] Философско-литературный журнал Логос. 2019. №3 (130). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-avtonomnyh-mashin-deontologiya-i-voennye-roboty> (дата обращения: 10.09.2022).
14. Метод USPEX. [Электронный ресурс] Лаборатория компьютерного дизайна материалов. URL: <https://uspex-team.org/ru/uspex/overview>, (дата обращения: 10.09.2022).
15. Мишура А. С. Свобода воли и моральная ответственность: и что? // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 123-129.
16. Перов В.Ю., Головков В.В. Прикладная этика: «цифровое» переосмысление // Ведомости прикладной этики. 2022. Выпуск 60. С. 91 — 102.
17. Перов В.Ю. Моральное агентство: проблема вменения // XIV международная конференция Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2022. К 100-летию Философского парохода. Санкт-Петербургский Государственный Университет, 17-19 ноября 2022 г. Материалы конференции/ Отв.ред. В.Ю. Перов — СПб.: ООО «Сборка», 2022. — 294 с.
18. Положенцев А.М. Безличный разум как цель (к дискуссии об этике искусственного интеллекта) XI международная конференция Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы — 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д. Белла — 1919-2019). Санкт-петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2019 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов — СПб.: ООО Сборка, 2019. С. 175-176.
19. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект, Онлайн-культура, Искусственная социальность: определение понятий [Электронный ресурс] Мониторинг. 2019. №6 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvenny-intellekt-onlayn-kultura-iskusstvennaya-sotsialnost-opredelenie-ponyatiy> (дата обращения: 10.09.2022).

20. Словарь экологических терминов: методическое пособие. /Сост.: З.Г Сайфуллина, А.М. Мингажева. — Уфа: ГБУ ДО РДЭБЦ, 2017г. — 134 с.
21. Сулавко А.Е., Жумажанова С.С., Нигрей А.А., Закутнева Л.Н. Влияние психофизиологического состояния подписанта на результаты его идентификации по рукописному образу естественным и искусственным интеллектами // Безопасность информационных технологий. — 2017. — Т. 24, № 4. — С. 87–97.
22. Томильцева Д.А., Железнов А.С. Неизбежный третий: этико-политические аспекты взаимодействий с искусственными агентами [Электронный ресурс] Полития. 2020. №4 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neizbezhnyy-tretiy-etiko-politicheskie-aspekty-vzaimodeystviy-s-iskusstvennymi-agentami> (дата обращения:10.09.2022).
23. Юрай В.С. Сложность моральной ответственности и ее степени // Этическая мысль. 2021. Т. 21. № 2. С. 18-25.
24. Searle, J. Minds, brains, and programs: [Электронный ресурс] Behavioral and brain sciences. — 1980. — Т. 3, № 3 (September). — P. 417-424. URL: <https://web.archive.southampton.ac.uk/cogprints.org/7150/1/10.1.1.83.5248.pdf> (дата обращения: 10.12.2022).
25. Walsh, T. The Singularity May Never be Near. In Proceedings of the 2nd International Workshop on AI, Ethics and Society (AIEthicsSociety2016) & 30th AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-2016), Phoenix, AZ, USA, 2016.

References

1. Apresyan R.G., Besedin A.P., Vasiliev V.V., Kostikova A.A., Kuznetsov A.V., Levin S.M., Mishura A.S., Platonov R.S., Prokofiev A.V., Razin A.V. Materials of the discussion Prolegomena to moral responsibility. *Ethical Thought*. 2021. V. 21. No. 2. p. 35-47.
2. Apresyan R.G. Moral and philosophical meaning of the dilemma of anthropocentrism and nonanthropocentrism. *Ethical Thought*. 2010. No. 10. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralno-filosofskiy-smysl-dilemmy-antropotsentrizma-i-nonantropotsentrizma> [Accessed 10th September 2022].
3. Bostrom Nick. *Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategy*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2016.
4. Waal de F. *Origins of morality: In search of the human in primates*. Moscow: Alpina non-fiction, 2017.
5. Guilt. *New Philosophical Encyclopedia*. Electronic library of IP RAS. Available from: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194de704-0398e2c5f864994> [Accessed 12th October 2022].
6. Gusseinov A.A., On the state of modern domestic ethics. *Problems of Ethics: Philosophical and Ethical Almanac*. Issue V. Part I: Proceedings of the conference Moral Responsibility in the Modern World, dedicated to the 75th anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences A.A. Huseynova. Faculty of Philosophy of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Ed. A.V. Razina, I.A. Avdeeva. Moscow: Publisher Vorobyov A.V., 2015. p. 218-237
7. Descartes R. *Works in 2 volumes*. V. 2. Moscow: Thought, 1994.
8. Gospel of Matthew. Official website of the Moscow Patriarchate. Available from: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/5/> [Accessed 10th December 2022].
9. Jonas G. *The principle of responsibility. Experience of Ethics for Technological Civilization*. Moscow: Iris-press, 2004.
10. Kosonogov V. *Mirror neurons: a brief scientific review*. Rostov-on-Don, 2009.
11. Kuznetsov N.V. Digital should not harm a person. XI International Conference Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2019. Towards the Coming Digital Society. The experience of ethical forecasting (100 years since the birth of D. Bell — 1919-2019). St. Petersburg State University, November 21-23, 2019 Conference proceedings. St. Petersburg: Assembly LLC, 2019. P. 164-165.

12. Loginov E.V., Gavrilov M. V., Mertsalov A. V., Yunusov A. T. Ethics and metaphysics of moral responsibility. *Ethical thought*. 2021. V. 21. No. 2. p. 5-17.
13. Martynov K.K. Ethics of autonomous machines: deontology and military robots. *Philosophical and literary journal Logos*. 2019. No. 3 (130). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-avtonomnyh-mashin-deontologiya-i-voennye-roboty> [Accessed 09th October 2022].
14. USPEX method. Laboratory of Computer Design of Materials. Available from: <https://uspex-team.org/ru/uspex/overview>, [Accessed 12th October 2022].
15. Mishura A.S. Free will and moral responsibility: so what? *Date palm compote*. 2020. No. 15. p. 123-129.
16. Perov V.Yu., Golovkov V.V. Applied Ethics: "Digital" Rethinking. *Bulletin of Applied Ethics*. 2022. Issue 60. P. 91 — 102.
17. Perov V.Yu. Moral agency: the problem of imputation // XIV International Conference Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2022. To the 100th Anniversary of the Philosophical Steamboat. St. Petersburg State University, November 17-19, 2022 Conference materials / Ed. V.Yu. Perov — St. Petersburg: Sbornka, 2022. — 294 p.
18. Polozhentsev A.M. Impersonal Mind as a Goal (Toward a Discussion on the Ethics of Artificial Intelligence) XI International Conference "Theoretical and Applied Ethics: Traditions and Prospects — 2019. Toward the Coming Digital Society. The experience of ethical forecasting (100 years since the birth of D. Bell — 1919-2019). St. Petersburg State University, November 21-23, 2019 Conference proceedings / Ed. V. Yu. Perov — St. Petersburg: Sbornka, 2019. P. 175-176.
19. Rezaev A.V., Tregubova N. D. Artificial intelligence, Online culture, Artificial sociality: definition of concepts. *Monitoring*. 2019. No. 6 (154). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-onlayn-kultura-iskusstvennaya-sotsialnost-opredelenie-ponyatiy> [Accessed 09th October 2022].
20. Dictionary of environmental terms: a manual. Comp.: Z.G. Saifullina, A.M. Mingazhev. Ufa: GBU DO RDEBTs, 2017.
21. Sulavko A.E., Zhumazhanova S. S., Nigrei A. A., Zakutneva L. N. Influence of the psychophysiological state of the signer on the results of his identification by the handwritten image by natural and artificial intelligences. *Security of Information Technologies*. 2017. — T. 24, No. 4. — p. 87–97.

22. Tomiltseva D.A., Zheleznov A.S. The inevitable third: ethical and political aspects of interactions with artificial agents // *Politiya*. 2020. No. 4 (99). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/neizbezhnyy-tretiy-etiko-politicheskie-aspekty-vzaimodeystviy-s-iskusstvennymi-agentsami> [Accessed 09th October 2022].
23. Yugay V.S. Complexity of moral responsibility and its degree. *Ethical thought*. 2021. V. 21. No. 2. p. 18-25.
24. Searle, J. Minds, brains, and programs : // *Behavioral and brain sciences*. — 1980. — Т. 3, № 3 (September). — P. 417-424. Available from: <https://web.archive.southampton.ac.uk/cogprints.org/7150/1/10.1.1.83.5248.pdf> [Accessed 10th December 2022].
25. Walsh, T. The Singularity May Never be Near. In *Proceedings of the 2nd International Workshop on AI, Ethics and Society (AI Ethics Society 2016) & 30th AAAI Conference on Artificial Intelligence (AAAI-2016)*, Phoenix, AZ, USA, 2016.

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

APPLIED ETHICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2023, 1(17): 33—50

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_33-50.pdf

УДК 17

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРАВОСУДИЕ — НОВАЯ ПАРАДИГМА ИЛИ СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ?

Шова М. С.

статья:

поступила в редакцию 30.04.2023

принята к публикации 16.06.2023

опубликована (онлайн) 30.06.2023

© Шова Марина Сергеевна

студент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета,

Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: shova.marina@mail.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. В статье поднимается проблема кризиса наказания и его этического значения. Разбираются как международные исследования, посвященные настоящей теме («Проект для тюрем в десяти странах»), так и работы отечественных авторов (Яков Гилинский). Подчеркиваются основные причины кризиса наказания. Перечисляются несколько способов решения проблемы: улучшение санитарно-гигиенических и психологических условий содержания осужденных, краткосрочное лишение свободы, организация и поддержание реабилитационных центров для отбывших срок, применение методов предсказывающего правосудия для предотвращения преступлений, устранение причин социальной несправедливости, борьба с первопричинами преступных деяний. Приводится история появления аль-

тернативных концепций осуществления правосудия (творческая реституция, восстановительное правосудие, миротворческая криминология, преобразующее правосудия). Подробно анализируются основные характерные черты восстановительного правосудия (Говард Зер) и дается их аксиологическое значение. Сравниваются различные парадигмы правосудия (общинное и восстановительное правосудие). Также автор указывает на то, что существует разумная критика альтернативного правосудия, высказанная основоположником уголовного аболиционизма Нилом Кристи. Рассматривается опыт внедрения и применения восстановительных практик в разных странах (Австрия, Северная Ирландия и Бельгия). В заключение автор пытается сформулировать свои предположения касательно того, каково же состояние существующей уголовной системы наказания, и каковы значение и перспективы альтернативной концепции осуществления правосудия.

Ключевые слова: преступление, кризис наказания, восстановительное правосудие, благосостояние общества, социальная несправедливость, человеческое достоинство.

Discourses of Ethics. 2023, 1(17): 33—50

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_33-50.pdf

ALTERNATIVE JUSTICE — A NEW PARADIGM OR A LIFELINE?

Shova Marina

received 30.04.2023

accepted 16.06.2023

published (online) 30.06.2023

© Marina S. Shova

Student Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Correspondence to: shova.marina@mail.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: The article raises the problem of the crisis of punishment and its ethical significance. We analyzed both international studies devoted to this topic ("Project for prisons in ten countries") and the works of domestic authors (Yakov Gilinsky). The main causes of the punishment crisis are emphasized. We listed several ways of solving the problem: improving the sanitary and psychological conditions of convicts, short-term imprisonment, organization and maintenance of rehabilitation centers, the use of predictive justice methods to prevent crimes, eliminating the causes of social injustice, combating the root causes of criminal acts. We also gave the history of the emergence of alternative concepts of the administration of justice (creative restitution, restorative justice, peacemaking criminology, transformative justice). The main characteristic features of restorative justice (Howard Zer) are analyzed in detail and their axiological significance is presented. We compared different paradigms of justice (community and restorative justice). In addition, we pointed out that there is a reasonable criticism of alternative justice expressed by the founder of

criminal abolitionism, Neil Christie. The introduction and application of restorative practices in different countries (Austria, Northern Ireland and Belgium) are considered. In conclusion, we tried to formulate his assumptions about what is the state of the existing criminal system of punishment, and what are the significance and prospects of an alternative concept of the administration of justice.

Keywords: ethics of law, crime, crisis of punishment, restorative justice, welfare of society, social injustice, human dignity.

Правовая система, как и любая другая система общества, является динамичной. В ней происходили и происходят различного плана изменения и трансформации, касательно объекта права, субъекта права, определения правовых отношений, источников права и т.д. В этой статье мы бы хотели остановиться на рассмотрении такого элемента правовой системы как наказание и проанализировать основные этические проблемы, связанные с ним.

Международный центр исследования тюрем в 2017 году запустил проект «Проект для тюрем в десяти странах», целью которого «было извлечь полезные уроки о том, как сократить применение тюремного заключения»¹. Для этого они «проанализировали последние тенденции в численности заключенных в каждой стране и факторы, определяющие эти тенденции... рассмотрели последствия тюремного заключения для здоровья и то, как переполненность тюрем усугубляет плохое самочувствие»². Исследование было сосредоточено на группе из десяти юрисдикций на пяти континентах: Кения, Южная Африка, Бразилия, Соединенные Штаты, Индия, Таиланд, Англия и Уэльс, Венгрия, Нидерланды и Австралия.

В преамбуле к этому проекту его создатели отметили, что «В последние десятилетия в мире наблюдается беспрецедентный рост численности заключенных, и сегодня в тюрьмах находится более 11 миллионов человек, около трети из них находятся в предварительном заключении или ожидают окончательного приговора. Хотя число заключенных растет, ресурсное обеспечение тюремных систем незна-

¹ World Prison Brief. Ten-country prisons project. Available from: <https://www.prisonstudies.org/ten-country-prisons-project> [Accessed 12th April 2023].

² Там же.

чительно увеличилось. Как следствие, тюрьмы по всему миру находятся в кризисе. В большинстве стран тюремные системы работают намного выше своих официальных возможностей, что приводит к переполненности, тесноте и опасным условиям содержания»³. Интересно также и то, что, как показала статистика, примерно с 2000 года общее количество заключенных в тюрьмах мира выросло на 24%, что примерно соответствует предполагаемому увеличению численности населения мира в целом за тот же период⁴.

О том, что современная система уголовного наказания претерпевает определенный кризис, писали многие. В 2008 году советский и российский криминолог, доктор юридических наук и почетный профессор Яков Ильич Гишинский написал статью, центральной темой которой как раз и был кризис системы наказания. Он подробно описал нынешнюю ситуацию, привел внушающие цифры, перечислил негативные последствия тюремного заключения и упомянул о новой системе правосудия, подробный анализ которой будет приведен в конце статьи. «В России к реальному лишению свободы приговаривались в течение 1986-2006 годов от 34,1% всех осужденных в 1987-м до 39,5% в 1994-м. К реальному и условному лишению свободы — до 88% в 2001-2006 годах. Поражают темпы снижения удельного веса наказаний, не связанных с лишением свободы: осуждено к исправительным работам в 1987 году — 26,1%, в 2006-м — 4,8%, к штрафу в 1987-м — 16,8%, в 2001, 2002 годах — 6,3% (с ростом к 2006 году до 10,8%). Судьи разучились осуждать к наказанию, не связанному с лишением свободы!»⁵.

Кризис наказания приводит к определенному количеству этических проблем, которые так же требуют своего разрешения. Одной из ключевых проблем является кардинальное изменение сознания заключенного, утеря им способности принимать морально правильное ре-

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Гишинский Я. Наказание: криминологический подход // Отечественные записки. 2008. №2 (41). (Дата обращения: 13.03.2023). URL: <https://strana-oz.ru/2008/2/nakazanie-kriminologicheskij-podhod>

шение при возникновении большинства жизненных затруднений. Помимо этого, нежелание и предубеждения общества по отношению к отбывшему срок значительно затрудняют восстановление его прежнего социального статуса и установлению новых отношений.

Такое положение дел должно способствовать активному поиску адекватных решений. Как нам кажется, существуют два способа справиться со сложившейся ситуацией. Во-первых, это постепенное обновление существующей системы уголовных наказаний и всей правовой системы в целом. Во-вторых, полная замена нынешних механизмов, создание нового способа осуществления правосудия.

Нам бы хотелось начать с разбора первого пути, так как, на данный момент, общество считает проще «залатать дырки», чем кардинально менять укоренившуюся систему отношений.

Как уже было сказано, международный центр по исследованию тюрем акцентирует внимание на плохом содержании осужденных в тюремном заключении. Под «плохим содержанием», как нам кажется, можно подразумевать не только санитарно — гигиенические, но и психологические условия жизни. Современная тюрьма (лишение свободы) «никого не исправляет; она служит школой повышения криминального мастерства, профессионализма; она калечит людей психически, а то и физически»⁶.

Улучшение жизни заключенных позволит избежать их полной стигматизации, отрыва от реальных человеческих отношений и окончательному ослаблению их нравственных представлений, что, безусловно, должно поспособствовать сокращению числа осужденных людей, неспособных вернуться в здоровую общественную жизнь. «В тюрьмах Западной Европы убеждаешься, что можно вполне сочетать надежность охраны (в основном с помощью электронной техники, без автоматчиков и собак) и режимные требования с соблюдением прав человека, уважением его личности. В одной из посещенных мною тюрем Турку (Финляндия) заключенным... выдаются ключи от камеры,

⁶ Там же.

чтобы человек, уходя из нее, мог закрыть дверь в «свою комнату» и открыть, возвращаясь. По мнению начальника тюрьмы, это позволяет заключенным сохранять чувство собственного достоинства. В Хельсинки (Финляндия), Фрайбурге (Германия) заключенные проживают по одному-два человека в камере и днем свободно гуляют по коридору, заходят в гости друг к другу. При мне в тюрьме Хельсинки осужденные на кухне блока готовили торт ко дню рождения одного из заключенных. В камерах находятся телевизоры, компьютеры, прохладительные напитки. В Дублине начальник тюрьмы долго не мог понять мой вопрос «Сколько осужденных находится в одной камере?». «Конечно же — один. Не могут же жить вместе незнакомые люди»⁷. Сохранение человеческого достоинства осужденных является ключевой задачей, которую должны ставить перед собой современные страны.

Следующей «заплаткой» может быть тенденция к краткосрочному лишению свободы. Такая мера позволит избежать необратимые изменения психики осужденных лиц. «Так, в середине 90-х годов в Германии осуждались на срок до 6 месяцев 21% всех осужденных к лишению свободы, на срок от 6 до 12 месяцев — еще 26% (т.е. всего на срок до одного года — около половины всех приговоренных к тюремному заключению). На срок от одного до двух лет были приговорены 38,5% осужденных. Таким образом, в отношении 85,5% всех осужденных к лишению свободы срок наказания не превышал двух лет, на срок же свыше пяти лет были приговорены всего 1,2%. В Японии в 1994 году из общего числа приговоренных к лишению свободы на срок до одного года — 17,3%, до трех лет — 68,8%, а свыше пяти лет — 1,3%»⁸. Приведение такой программы в жизнь позволяет использовать весь потенциал других видов уголовного наказания: штрафы, исправительные работы, отстранение от должности, лишение звания и т.д., имеющих в некоторых случаях больший эффект, чем лишение свободы. К примеру, как нам кажется, было бы спра-

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ведливее и эффективнее по отношению к жертвам большинства экономических преступлений заставить преступника вернуть все украденное, а не посадить его в тюрьму и оставить потерпевших, чтобы те сами о себе позаботились.

Не малый интерес представляет собой и такой способ сохранения тюремной системы, как реабилитационные центры. По преимуществу такие центры распространены в Соединенных Штатах. Их основная цель заключается в том, чтобы помочь лицу, отбывшему срок, вновь встроиться в общественные отношения и вернуть свой статус. Поиск работы, предоставление жилья, психологическая помощь и прочие социальные мероприятия является базисом работы такого рода организаций. Существует множество случаев, когда такая помощь действительно помогала человеку восстановиться. Но, к сожалению, такие системы не справляются с огромным наплывом людей, выпущенных из тюрьмы, и не могут полностью изменить укорененные в обществе предубеждения по отношению к ним. Поэтому число рецидивов как в Соединенных Штатах, так в других странах довольно большое.

Еще со времен Античности философы разных школ были убеждены, что основной задачей наказания является предупреждение потенциальных преступлений. Наказание должно было устрашать людей, являться примером ждущих их последствий за нарушение установленных правил. В то же время, многие отмечали, что необходимо отвращать людей от совершения преступлений, борясь с их причинами, а не угрожать ужасным исходом за «неповиновение».

В 19 веке французский философ Адольф Франк написал статью «Философия уголовного права в популярном изложении», в которой подчеркивал, что «лучшими средствами предупреждения являются: просвещение и правильное распределение труда, чтобы доставить пищу труду и уменьшить следствия бедности. Все разглагольствования об испорченности человеческого рода разбиваются в прах перед той истиной, что самыми большими преступниками бывают всегда несчастные и невежественные люди; невежество и нищета доставляют самое большое количество кандидатов для эшафота. Постарай-

тес же устранить прежде всего бедность, поощряя все мирные и честные занятия и увеличивая источники кредита и труда. Распространяйте в массах возможно все большее образование, вспомним, что по крайней мере треть французского народонаселения не знает еще ни читать, ни писать. Не отступайте перед средством, которое нравственность оправдывает и человечество требует — признайте первоначальное образование обязательным. Учителя сделают излишними палачей. Увеличивая число школ, мы будем в состоянии обойтись без чудесного вмешательства небесных сил, создающих нарочно для каждого судебного округа особого палача»⁹.

Уже в 21 веке Грегг Карузо, один из авторов карантинной модели, которая отрицает свободу воли и подчеркивает важность реабилитационных условий содержания правонарушителей, также говорит о важности устранения первопричин правонарушений. В его статье «Общественное здоровье и безопасность: социальные детерминанты здоровья и преступного поведения» он рекомендует восемь общих политических предложений, согласующихся с его моделью:

- (1) Инвестировать в программы и политику, направленные на сокращение бедности, бездомности, жестокого обращения и насилия в семье.
- (2) Увеличить финансирование служб охраны психического здоровья с акцентом на раннее и активное лечение психических заболеваний.
- (3) Обеспечить всеобщий доступ к недорогому и последовательному медицинскому обслуживанию для всех.
- (4) Отказаться от возмездия и чисто карательных подходов к уголовному правосудию и сместить акцент на профилактику, реабилитацию и реинтеграцию.
- (5) Прекратить всю политику, которая лишает гражданских прав бывших правонарушителей, затрудняя их реинтеграцию обратно в общество.

⁹ Франк Ад. Философия уголовного права в популярном изложении // Философия уголовного права. Санкт — Петербург: Юридический центр «Пресс». 2004. 204 с.

(6) Расставлять приоритеты и надлежащим образом финансировать образование, особенно в районах с низким уровнем дохода, и поддерживать образовательные программы в тюрьмах.

(7) Принять политику, которая защищает экологическое здоровье наших сообществ путем борьбы с изменением климата, защиты воздуха и воды и сокращения/устранения вредных токсинов.

(8) Исследуйте более эффективные вмешательства и стратегии реабилитации при психопатии¹⁰.

Позитивные социальные трансформации, устранение причин социальной несправедливости и нравственное воспитание могут способствовать уменьшению использования системы уголовного наказания, и тем самым, улучшению благосостояния общества.

Последней, и, как нам кажется, самой необычной дощечкой в дырявой ограде современной системы наказания, является так называемое предсказывающее правосудие. Его суть заключается в том, что правоохранительные органы пытаются использовать современный искусственный интеллект для предсказания потенциальных преступлений. Еще в начале 2000-х были созданы программы, которые на основе огромного количества введенных данных, делали прогнозы того, где и когда возможно будет совершено правонарушение. Хорошим примером работы такого механизма служит система PredPol, которая впервые была применена в небольшом городке Футхилл в пригороде Лос-Анджелеса¹¹. Как бы не была красочно описана эта процедура и ее позитивные результаты, на практике она не показывает значительных результатов, а также вызывает довольно много сомнительных с этической точки зрения проблем (дискриминация, этичность принимае-

¹⁰ Caruso G.D. Public Health and Safety: The Social Determinants of Health and Criminal Behavior. UK: ResearchersLinks Books; 2017. p. 38.

¹¹ Police are using software to predict crime. Is it a 'holy grail' or biased against minorities? Available from: https://www.washingtonpost.com/local/public-safety/police-are-using-software-to-predict-crime-is-it-a-holy-grail-or-biased-against-minorities/2016/11/17/525a6649-0472-440a-aae1-b283aa8e5de8_story.html [Accessed 5th June 2023].

мых решений и т.д.)¹². Но с развитием искусственного интеллекта и его возможностей, все может кардинально измениться.

Итак, нами были описаны и проанализированы несколько мер, которые используются для сохранения существующей карательной правовой системы наказания. Некоторые из них, как уже было сказано, имеют определенное положительное влияние, которое способно немного сгладить недостатки нынешней системы и разрешить некоторые этические проблемы, связанные с ней. Но следующая часть настоящей статьи будет посвящена второму пути, который постепенно набирает свою популярность как среди профессионалов, так и среди обычных людей. Мы посмотрим будет ли этот способ более эффективен и надежен в достижении благополучия общества, чем существующая система со всеми ее дополнительными спасательными кругами.

В 1950-х психолог Альберт Эглаш сформировал концепцию творческой реституции, которая, как он считал, была более человечной и эффективной нежели тогдашняя система уголовного правосудия¹³. При применении процедур творческой реституции «правонарушителю под надлежащим надзором помогают найти способ загладить вину перед теми, кому он причинил боль своим проступком, и «пройти вторую милю», помогая другим правонарушителям»¹⁴.

Спустя два десятилетия, в 1970-е годы, Говард Зер создал свою концепцию альтернативного правосудия и назвал ее восстановительным правосудием¹⁵. Через некоторое время появились еще две теории, так или иначе напоминающие восстановительное правосудие (миротворческая криминология и преобразующее правосудие).

¹² Там же.

¹³ Mirsky L. (2016) "Albert Eglash and Creative Restitution: The forerunner of Restorative practices," URL: <https://www.iirp.edu/news/albert-eglash-and-creative-restitution-a-precursor-to-restorative-practices> (Accessed: 15.03.2023).

¹⁴ Eglash, A. Creative Restitution: Some Suggestions for Prison Rehabilitation Programs. *American Journal of Correction*, 1958; 20: 20-34.

¹⁵ Зер Г. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. пер. с англ./общ. ред. Л. М. Карнозовой. Комментар. Л. М. Карнозовой и С. А. Пашина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.

«Некоторые из основных принципов восстановительного правосудия можно найти в принципах творческой реституции, равно как и в философской основе различных программ восстановительных практик. По этой причине работа Эглаша по творческой реституции была признана некоторыми как одна из основ движения за восстановительное правосудие»¹⁶.

Восстановительное правосудие не предполагает использование того вида наказания, которое характерно для карательной государственной системы. Скорее целью такого правосудия является возмещение причиненного ущерба и помощь в организации диалога между пострадавшим и правонарушителем. Такого рода коммуникация невозможна при нынешней системе. В альтернативном правосудии главными действующими лицами являются жертва и преступник. Модератор, который также участвует в процессе, выполняет роль посредника и пытается помочь сторонам донести свою мысль, но при этом никогда не выносит никакого приговора. Важно добавить, что, в некоторых случаях, в диалоге могут принимать участие и приближенные каждой стороны, психологи, социальные работники, при необходимости, а также другие члены общества. Однако, коммуникация возможна только в том случае, если преступник признает свою вину и готов всеми силами загладить свою вину перед пострадавшими. Такая форма разрешения конфликта предполагает, что ответственность за решение возникшей проблемы возлагается именно на пострадавшего и правонарушителя. Это, безусловно, способствует тому, что стороны более тщательно подходят к обсуждению и решению судьбы друг друга.

Похожая система уже была в истории человечества. В уже упомянутой работе Зер ее называет общинное правосудие¹⁷. Оно также пыта-

¹⁶ Mirsky L. (2016) "Albert Eglash and Creative Restitution: The forerunner of Restorative practices," URL: <https://www.iirp.edu/news/albert-eglash-and-creative-restitution-a-precursor-to-restorative-practices> (Accessed: 15.03.2023).

¹⁷ Зер Г. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. пер. с англ./общ. ред. Л. М. Карнозовой. Комментар. Л. М. Карнозовой и С. А. Пашина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 48 с.

лось восстановить отношения людей посредством возмещения ущерба. Однако, как нам кажется, оно было скорее направлено в основном на достижение договоренности о размере реституции, нежели о получении прощения и примирении.

Несмотря на все свои положительные стороны, восстановительная концепция имеет и недостатки. К примеру, в большинстве случаев, преступники и жертвы не хотят встречаться. Им легче передать свою судьбу в руки безличного механизма, который решит все за них. Или же, вероятны случаи, когда правонарушителей, совершивших одно и то же преступление, ждет разный исход: первого простили и отпустили, а второго вынудили платить колоссальные средства. Неизбежно и давление друг на друга с обеих сторон, что также влияет на справедливость и успешность процедуры¹⁸.

Однако, перечисленные недочеты все же не мешают постепенному внедрению методов альтернативного осуществления правосудия в нынешние правовые системы, которые пытаются идти по пути постепенной гуманизации. На данный момент, использование восстановительных процедур варьируется в зависимости от страны, вида и условий преступления, вида преступника. «Около 36 стран Европы используют элементы восстановительного правосудия, а в некоторых из них — Австрии, Бельгии, Финляндии, Германии, Нидерландах и Северной Ирландии — имеются своеобразные национальные стратегии восстановительного правосудия»¹⁹.

Например, в 1988 году в Австрии был издан ряд законов, благодаря которым процедура восстановительного правосудия или медиация была признана одним из легальных способов решения споров. Сначала это касалось только дел несовершеннолетних, но с 2000 года применение медиации возможно и для взрослых. «Говоря о видах пре-

¹⁸ Кристи Н. Удобное количество преступлений. пер. с англ. Е. Матерновской, общ. ред. и вступ. ст. Я. И. Гилинского. СПб.: Алетей, 2006. 114 — 118 с.

¹⁹ Шиловская А.Л. Ситдикова Л.Д. Использование восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних в странах Европы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. т. 12. № 1. 144 с.

ступных деяний, по которым проводится медиация, отметим, что в основном это преступления против личной неприкосновенности (побои и т.п.)». Исходя из статистических данных «уровень рецидива после медиации — 15%, в то время как по иным мерам, назначаемым судом, уровень рецидива составляет 41%. Более двух третей проводимых медиаций являются успешными (78%)»²⁰.

Обращение к медиации возможно как в досудебном разбирательстве, так и в рамках судебного судопроизводства. Обычно полиция или прокурор имеют право инициировать процесс медиации. Например, в Северной Ирландии, основным «органом власти, применяющим меры восстановительного правосудия, является полиция. Лишь очень небольшое число дел доходит до суда. Но и суд может направить дело на разбирательство в рамках конференции. По сути, только в случае особо тяжких преступлений и в случае, когда правонарушитель отказывается участвовать в конференции, дело будет рассмотрено судом традиционным образом»²¹.

В Бельгии даже существует специальный фонд, который «дает возможность несовершеннолетним, совершившим преступление, выплачивать компенсацию потерпевшим. Средства этого фонда становятся доступны тем несовершеннолетним, у которых нет финансовой возможности возместить ущерб потерпевшему. Несовершеннолетнему дается возможность на добровольных началах потрудиться на благо некоммерческой организации определенное ограниченное число часов, за которые ему начисляется выплата из вышеупомянутого фонда, а перечисление денежных средств из фонда происходит непосредственно потерпевшему»²². Важно также отметить и то, что «Бельгия лишь одна из немногих стран мира, где восстановительное правосудие возможно на всех стадиях уголовного процесса и за преступление любого характера. Более того, восстановительное правосудие четко

²⁰ Там же 144 с.

²¹ Там же 146 с.

²² Там же 144 — 145 с.

установлено законом, доступно по всей стране и финансируется как федеральной властью, так и региональными властями»²³. Опыт других стран (Финляндия, Франция и т. д.), применяющих восстановительное правосудие, является не менее успешным.

Альтернативная концепция осуществления правосудия хотя и имеет свои недостатки, как и уголовная карательная система, все же, мы придерживаемся того мнения, что она является новой парадигмой, которая в большей степени способна сократить то огромное расстояние, которое разделяет современных людей друг от друга, наделить их большей ответственностью друг перед другом, отсутствие которой в большинстве случаев и становится причиной преступных действий, и тем самым способствовать большему благосостоянию общества, чем оно смогло бы достигнуть с помощью карательной государственной системы наказания.

Список литературы

1. Гилинский Я. Наказание: криминологический подход // Отечественные записки. 2008. №2 (41). (Дата обращения: 13.03.2023). URL: <https://strana-oz.ru/2008/2/nakazanie-kriminologicheskij-podhod>
2. Зер Г. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. пер. с англ./общ. ред. Л. М. Карнозовой. Комментар. Л. М. Карнозовой и С. А. Пашина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
3. Кристи Н. Удобное количество преступлений. пер. с англ. Е. Матерновской, общ. ред. и вступ. ст. Я. И. Гилинского. СПб.: Алетейя, 2006. 184 с.
4. Франк Ад. Философия уголовного права в популярном изложении // Философия уголовного права. Санкт — Петербург: Юридический центр «Пресс». 2004. 53 — 204 с.

²³ Там же 145 с.

5. Шиловская А.Л. Ситдикова Л.Д. Использование восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних в странах Европы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. т. 12. № 1. 141-151 с.
6. Caruso G.D. Public Health and Safety: The Social Determinants of Health and Criminal Behavior. UK: ResearchersLinks Books; 2017. p. 38.
7. Eglash, A. Creative Restitution: Some Suggestions for Prison Rehabilitation Programs. American Journal of Correction, 1958; 20: 20-34.
8. Mirsky L. (2016) "Albert Eglash and Creative Restitution: The forerunner of Restorative practices," URL: <https://www.iirp.edu/news/albert-eglash-and-creative-restitution-a-precursor-to-restorative-practices> (Accessed: 15.03.2023).
9. Police are using software to predict crime. Is it a 'holy grail' or biased against minorities? Available from: https://www.washingtonpost.com/local/public-safety/police-are-using-software-to-predict-crime-is-it-a-holy-grail-or-biased-against-minorities/2016/11/17/525a6649-0472-440a-aae1-b283aa8e5de8_story.html [Accessed 5th June 2023].
10. World Prison Brief. Ten-country prisons project. Available from: <https://www.prisonstudies.org/ten-country-prisons-project> [Accessed 12th April 2023].

References

1. Gilinskiĭ Iа. (2008) "Nakazanie: kriminologicheskiiĭ podkhod", Otechestvennye zapiski. №2 (41). URL: <https://strana-oz.ru/2008/2/nakazanie-kriminologicheskiiy-podhod>. (Data obrashcheniia: 10.05.2023).
2. Zehr H. (1990) Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice, Herald Press, Ontario.
3. Christie N. (2004) A Suitable number of crime, Routledge, London.
4. Frank Ad. Filosofiiā ugovnogo prava v populiarom izlozhenii // Filosofiiā ugovnogo prava. Sankt-Peterburg: Iuridicheskiiĭ tsentr «Press». 2004. 53 — 204 s.
5. Shilovskaiā A.L. Sitdikova L.D. (2018) Ispol'zovanie vosstanovitel'nogo pravosudiā v otnoshenii nesovershennoletnikh v stranakh Evropy, Vserossiiskiiĭ kriminologicheskiiĭ zhurnal (12): 141-151.
6. Caruso G.D. Public Health and Safety: The Social Determinants of Health and Criminal Behavior. UK: ResearchersLinks Books; 2017. p. 38.

Шова М. С.
Альтернативное правосудие —
новая парадигма или спасательный круг?

7. Eglash, A. Creative Restitution: Some Suggestions for Prison Rehabilitation Programs. *American Journal of Correction*, 1958; 20: 20-34.
8. Mirsky L. (2016) "Albert Eglash and Creative Restitution: The forerunner of Restorative practices," URL: <https://www.iirp.edu/news/albert-eglash-and-creative-restitution-a-precursor-to-restorative-practices> (Accessed: 15.03.2023).
9. Police are using software to predict crime. Is it a 'holy grail' or biased against minorities? Available from: https://www.washingtonpost.com/local/public-safety/police-are-using-software-to-predict-crime-is-it-a-holy-grail-or-biased-against-minorities/2016/11/17/525a6649-0472-440a-aae1-b283aa8e5de8_story.html [Accessed 5th June 2023].
10. World Prison Brief. Ten-country prisons project. Available from: <https://www.prisonstudies.org/ten-country-prisons-project> [Accessed 12th April 2023].

Дискурсы этики. 2023, 1(17): 51—68

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_51-68.pdf

УДК 659.1:17

ПРАКТИКА ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ — ОПЫТ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА

Гарвардт М. А., Головков В. В., Джинчарадзе М. З.,
Дорогостайский В. Г., Перова Н. В., Шестакова Е. А.

статья:

поступила в редакцию 09.11.2022

принята к публикации 16.06.2023

опубликована (онлайн) 30.06.2023

© Гарвардт Мария Андреевна, студент магистратуры Института философии, Санкт-Петербургского государственного университета, адрес для корреспонденции: marigarwardt@gmail.com. Головков Владислав Владимирович, студент магистратуры Института философии, Санкт-Петербургского государственного университета, адрес для корреспонденции: golovkov.spb@mail.ru. Джинчарадзе Мария Зазовна, студент магистратуры Института философии, Санкт-Петербургского государственного университета, адрес для корреспонденции: m.jincharadzeee@mail.ru. Дорогостайский Виктор Густавович, студент магистратуры Института философии, Санкт-Петербургского государственного университета, адрес для корреспонденции: dvictor@list.ru. Перова Нина Вадимовна, студент магистратуры Института философии, Санкт-Петербургского государственного университета, адрес для корреспонденции: nino4karegova@uandex.ru. Шестакова Екатерина Александровна, студент магистратуры Института философии, Санкт-Петербургского государственного университета, адрес для корреспонденции: eashestacova@gmail.com.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Социальная реклама направлена на оказание психологического и социокультурного воздействия на общество с целью сформировать определенные социально значимые ценности и практики

поведения. Это включает необходимость передачи ценностных установок через привлекающий к себе внимание, зачастую провокационный материал. В связи с этим, можно поставить вопрос о корректности передаваемых ценностей и их отражения. С другой стороны, заведомо провокационный характер рекламы ставит вопрос об этической допустимости используемых материалов и методов воздействия. Этическая экспертиза позволяет дать оценку социальной рекламе в двух ключевых аспектах: ценностное содержание и границы допустимости. В данной статье представлены результаты этических экспертиз социальной рекламы, проведенных магистрантами образовательной программы «Прикладная этика». Перед авторами стояла задача экспертизы содержания и формы представления рекламы. Для этого студенты должны были самостоятельно выбрать рекламу, соответствующую критериям социальной рекламы, и провести экспертизу ее содержания, а также проверить формат рекламы на предмет нарушения границ морально допустимого.

Ключевые слова: этическая экспертиза, социальная реклама, экспертиза, прикладная этика.

Discourses of Ethics. 2023, 1(17): 51—68

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_51-68.pdf

PRACTICE OF ETHICAL EXPERTISE — EXPERIENCE OF EXPERT ANALYSIS

Garvardt Maria, Golovkov Vladislav, Dzhincharadze Maria,
Dorogostaisky Victor, Perova Nina, Shestakova Ekaterina

received 09.11.2022

accepted 16.06.2023

published (online) 30.06.2023

© Maria A. Garvardt, Master student Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, correspondence to: mariagarwardt@gmail.com. Vladislav V. Golovkov, Master student Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, correspondence to: golovkov.spb@mail.ru. Maria Z. Dzhincharadze, Master student Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, correspondence to: m.jincharadze@mail.ru. Victor G. Dorogostaisky, Master student Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, correspondence to: dvictor@list.ru. Nina V. Perova, Master student Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, correspondence to: nino4kaperova@yandex.ru. Ekaterina A. Shestakova, Master student Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, correspondence to: eashestacova@gmail.com.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: Social advertising is aimed at providing a psychological and socio-cultural impact on society in order to form certain socially significant values and behavioral practices. This includes the need to convey values through attention-grabbing, often provocative material. In this regard, we can raise the question of the correctness of the transmitted values and their reflection. On the other hand, the deliberately provocative nature of advertising

raises the question of the ethical permissibility of the materials and methods of influence used. Ethical expertise allows assessing social advertising in two key aspects: value content and limits of admissibility. This article presents the results of ethical expertise of social advertising, conducted by undergraduates of the «Applied Ethics» educational program. The authors were faced with the task of examining the content and form of advertising presentation. To do this, the students had to independently select an advertisement that meets the criteria for social advertising and conduct an examination of its content, as well as check the format of the advertisement for violation of the boundaries of the moral acceptability.

Keywords: ethical expertise, social advertising, expertise, applied ethics.

Гарвардт М. А.

Что не так с баранами: этическая экспертиза социальной рекламы вежливого вождения.

Экспертный центр probok.net — автономная некоммерческая организация, реализующая проекты в области дорожного движения. Ими были реализованы инициативы по введению диагональных переходов, признанию движения по кругу главными, введение временных знаков на желтом фоне и ряд других. Одной из форм их высказываний являлись также билборды с социальной рекламой, установленные на обочинах дорог в Москве, Омске, Перми и других городах¹. На белом фоне полотен изображен баран, и черным шрифтом написаны тексты следующего содержания:

«Повернул из второго ряда? Круто☺ Все с нетерпением ждут, что ты еще выкинешь».

«Вылез на забитый перекресток? Молодец☺ Теперь все вокруг тебя тоже будут стоять».

«Объехал всех по обочине? Отлично☺ Теперь стой и жди, когда тебя пустят обратно».

Эти баннеры имеют общую специфику: они отображают ряд правил дорожного движения: нарушение правил поворота из второго ряда, выезд на перекресток при заторе, езда по обочине. Создатели плаката

¹ Автор не обладает точной информацией о сроках и географии социальной рекламы и исходит в данных положениях из фотографий в открытом доступе сети Интернет.

утверждают: нарушение не только создает аварийную ситуацию и может повлечь за собой санкции от сотрудников ГИБДД, но и портит настроение окружающим, и в этом тоже нет ничего хорошего. Формы «Круто☺», «Молодец☺» и «Отлично☺» здесь, будучи в общем виде словами положительной окраски, здесь выступают маркером пассивной агрессии, возникающей у участников транспортного процесса от мелких нарушений ПДД. Кроме того, использование барана для иллюстрации плохих водителей пусть и является расхожей шуткой, может быть расценено как приписывание животному заранее негативных характеристик, что не совсем этично с точки зрения защиты прав животных. Несмотря на это, такая социальная реклама может быть расценена как допустимая.

Из данной специфики выпадает еще один текст билборда данной кампании. Он гласит:

«Не пропустил девушку? Ты мужик☺ Теперь она испортит вечер своему парню».

В отличие от предыдущих баннеров, этот текст не отсылает к правилам дорожного движения и не описывает состояние участников движения. Понятия «пропустить кого-то» в правилах, разумеется, нет, однако зачастую именно таким образом, с помощью притормаживающих соседей, молодые водители учатся справляться с потоком движения. Здесь мы можем наблюдать культивирование корреляции «неопытный водитель — девушка», что является дискриминацией по признаку пола и уже на этом этапе экспертизы позволяет оценить рекламу как неэтичную. Кроме того, происходит апелляция к водителю мужского пола, который должен проявить «мужскую солидарность» к некоторому парню, соответственно, опытные женщины-водители исключаются из поля зрения. То же происходит с девушками, которые имеют андрогинную внешность, хотя, по большому счету, правила дорожного движения в принципе не подразумевают наличие каких-то привилегий в

связи с полом. Также здесь мы можем наблюдать укоренение стереотипа о женщинах-истеричках, которые не могут справиться со своими эмоциями от неудач и вымещают их на молодых людях.

Если первые три варианта текста расцениваются нами как допустимые, то последний расценивается как недопустимый.

Этическая рекомендация в данном случае: полностью избавиться от четвертого варианта слогана и снизить пассивную агрессию в текстах первых трех.

Головков В. В.

Анализ социальной рекламы «Победили мы фашистов — одолеем абортистов!»

Дескриптивный анализ. В 2018 году Фонд поддержки семьи и демографии во имя святых Петра и Февронии опубликовал видеоролик под названием «Победили мы фашистов — одолеем абортистов!»¹. Ролик был неоднозначно встречен пользователями Интернета, вследствие чего был удалён, однако, его можно найти на сторонних ресурсах. Исходя из содержания рекламы, её целевая аудитория (ЦА) — молодые женщины, имеющие возможность забеременеть. В качестве морального авторитета в ролике используется образ военной медсестры, принимавшей участие в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг. Реклама продвигает ценность человеческой жизни и необходимость отказа от аборта как способа убийства неродившихся детей. Главный лозунг кампании созвучен названию видеоролика.

Обоснование выбора. Данный ролик был выбран для анализа в силу актуальности поднимаемой темы, её провокационности, а также своеобразной формы подачи и аргументации.

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=aqnSOL1rrzY&t=3s>

Предмет экспертизы.

- А) Ценности, продвигаемые в рекламе;
- Б) Корректность моральной аргументации;
- В) Лозунги.

Оценочное суждение. Для лучшего понимания специфики данной социальной рекламы, обратимся к её сюжету. Молодая женщина узнает, что беременна. У нее возникает мысль сделать аборт, но военная медсестра с плаката «Бессмертного полка» помогает ей принять верное решение — родить ребенка. «А ты подари сыну жизнь. Подумай, родная», — советует она. Далее рассказывается о радостях материнства, а завершается ролик слоганом: «Победили мы фашистов, одолеем абортистов!».

Теперь же рассмотрим моральное содержание социальной рекламы.

Ценности. Данный видеоролик продвигает ценности человеческой жизни (а, следовательно, моральной недопустимости абортов) и материнства. В общем и целом, они не вызывают вопросов, так как соответствуют как общечеловеческим, так и локальным культурным ценностям нашего общества.

Моральная аргументация. В качестве убеждения в правильности предлагаемых ценностей предлагается ряд аргументов, выстраивающихся в одну логическую цепочку. Для ясности, рассмотрим выдвигаемые тезисы в порядке размышления, а не в порядке изложения.

Тезис 1. «Ты узнаешь тайну рождения человека». На протяжении большей части ролика рассказывается о том, как будет проходить жизнь главной героини, если она решится не делать аборт. Интересно, что большинство из предлагаемых утверждений описывают преимущества, которые получит именно мать: «Он будет любить тебя и заботиться о тебе»; «Его успехи станут твоими». Некоторые утверждают совместные блага сына и матери: «Восхищаться и любить вместе с ним»; «Будешь радоваться его счастью». И лишь один говорит о долге матери: «Поддержишь сына в трудную минуту». Таким образом, виден чёткий акцент именно на получаемые за счёт своего статуса матери привилегии: любовь, заботу, радость и успехи. В то

время, как об обязанностях и ответственности, возникающих у женщины, которая стала матерью, сказано вскользь и несоразмерно важности аспекта данной социальной роли.

Тезис 2. «Испытаешь радость и сладость материнства». Все упомянутые утверждения, которые были объединены в один тезис, ведут ко второму — радости и сладости материнства. Однако же, социальная роль матери заключается не только в радости, но и в ответственности и обязанностях. Причём, именно они являются первостепенными. В ролике же этого не было отображено.

Тезис 3. «Человеческая жизнь бесценна». Итогом принятия предыдущих тезисов становится решение отказаться от аборта, что в конкретном случае трактуется как сохранение человеческой жизни и осознание её ценности.

Лозунг. Конечным же утверждением становится название видеоролика. Здесь присутствуют следующие моменты: во-первых, неясность связи «фашизма» и сторонников аборта; во-вторых, осуждение сторонников абортотворения не напрямую, а через связь с фашизмом.

Итоги.

А) Продвигаемые роликом ценности соответствуют общечеловеческим и локальным культурным.

Б) Аргументация однобока и поверхностна, учитывает лишь положительные аспекты процесса и делает акцент не на первостепенных вещах (ответственность, обязанности и т.д.), вследствие чего у аудитории создаётся неверный социальный портрет «матери».

В) Конечный лозунг рекламы некорректен, так как 1) паразитирует на историческом образе ВОВ; 2) создаёт у аудитории необоснованную связь сторонников аборта с фашизмом.

Рекомендации. Удалить данный видеоматериал (что и было сделано). При создании социальной рекламы в будущем учитывать результаты данной этической экспертизы.

Джинчарадзе М. З.

Социальная реклама.
Пассивная агрессия в рекламе прививок.

В 2021 году была запущена большая компания по рекламе прививок. Людей призывали прививаться разными способами. Начиная от кричащих лозунгов и заканчивая различными промоакциями. Конечно же не обошлось и без скандалов. Большой резонанс вызвал рекламный лозунг «Сколько должно умереть, чтобы ты привился?!»¹.

Основной причиной для выбора именно этого рекламного лозунга в рамках этической экспертизы стала пассивная агрессия. После того, как этот лозунг появился на улицах городов, люди активно стали жаловаться, ведь в лозунге явно прослеживается пассивная агрессия. Жители городов стали говорить о том, что реклама вызывает у них чувство стыда и дискомфорта из-за чего наоборот отбивает желание привиться. Но рекламная акция не закончилась на одной фразе и под лозунг стало сопровождать видео, суть которого это экскурсия по больнице с конечной точкой-морг. Ролик вызвал еще больший резонанс в обществе, ведь он вызывает эмоцию ответственности за смерть других людей. Врач проводит экскурсию так, как будто зритель виноват во всем, что происходит, используя приемы черного юмора, показывая какая «удобная кровать» и «отличный аппарат ИВЛ, который будет дышать за вас»².

Основная проблема: пассивная агрессия в вопросе и чувство стыда, которое пытаются привить горожанам. Агрессия вызывает обратный эффект. Она не вызывает чувство сострадания и не поднимает общий дух, что как раз и может привести к желанию провакцинироваться.

¹ Пример рекламы «Сколько еще должно умереть, чтобы ты привился?» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/images/news/2021/08/03/e51z5r3z.png> (Дата обращения 23.05.2022)

² Реклама «Стопкоронавирус» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/shorts/yqWXxFzPceU> (Дата обращения 23.05.2022)

А наоборот, человеку свойственно агрессией отвечать на агрессию, поэтому люди, наоборот, идут в отрицания, думая «Ах так, тогда я вообще не буду вакцинироваться!»

Основная проблема отсутствия этичности в этой рекламе складывается еще и из-за того, что не существуют нормативных документов, которые бы четко регулировали именно этический вопрос рекламы. Существует закон «О рекламе», но в нем нет четкого описания того, что именно является этической рекламой и как сделать так, чтобы реклама не оскорбляла и не обижала потребителя.

Совет: заменить посыл. Постараться сделать рекламу более комфортной и поучающей. Язвительные высказывания и обвиняющие вопросы не вызывают желание к совершению действия. А грамотное объяснение последствий и спокойный призыв к действию помогут сагитировать общество, а не оттолкнуть его. Так же создание четкого этического кодекса рекламы, чтобы в дальнейшем не создавалась таких спорных ситуаций.

Дорогостайский В. Г.

Анализ социальной рекламы
«Родители — пример для детей!»

Описание анализируемой рекламы. Ролик создан Ассоциацией планов медицинского страхования США (Blue Cross Blue Shield Association) и в 2012 году размещён на ютуб-канале NewCreativeVideo, где набрал 2,8 миллиона просмотров и 11 тысяч «лайков». В течение многих лет данное видео продолжает вызывать интерес, активно комментируется пользователями и вызывает споры по поводу трактовки и посылы данной социальной рекламы.

Ролик снят в реалистичной манере и предлагает следующий сюжет: Женщина совершает покупки в супермаркете. Покупательница торопится, её посещение носит сугубо деловой характер. Она заходит в

большое количество отделов и быстро берёт по одной-две позиции в каждом, складывая покупки в большую корзину. Её сопровождает дочь лет 6-8. Девочка следует за мамой, и катит перед собой маленькую детскую тележку для покупок. За спиной у матери она берёт те же продукты, что и мама. Упаковка у всех товаров крупная, и их набор выглядит комично в детской тележке. В какой-то момент одна из покупок не вмещается в детскую тележку и падает. На звук мать оборачивается и видит, что дочь скопировала её выбор продуктов, которые сплошь состоят из т.н. «вредных» — чипсы, лимонады, большие упаковки майонеза (соуса), снеки, сладости и т.п. Лицо женщины становится задумчивым. Девочка же довольна собой, улыбается, радостно смотрит на мать, явно ожидая одобрения своей «взрослой, правильной» деятельности.

Завершается ролик стоп-кадром и крупной надписью-слоганом на экране: Каждый день следует давать лучший пример своим детям (перевод с английского).

Следует отметить, что фактура персонажей подобраны намерено, является частью посылы и замысла. Используется образ «женщины в теле». Нельзя сказать, что она страдает ожирением, но довольно плотная. Зрителю дают понять, что у неё скорее избыточный вес. Девочка (её дочь) так же весьма упитанный, склонный к полноте ребёнок.

Предмет экспертизы состоит в анализе допустимости со стороны авторов иллюстрирования своей мысли о вредности плохого родительского примера образами полных людей.

В ролике нет указаний на традиционно осуждаемые недостатки внимания со стороны родителей — невнимания по отношению к ребёнку, неухоженность детей, семья выглядит вполне благополучной, средне-статистической. Нет и примера какого-либо асоциального поведения (сквернословия, пьянства и т.п.) Ребёнок жизнерадостен и чувствует себя вполне комфортно в обществе родителя. Аргумент состоит именно в указании на риск примера «плохого, неправильного» питания, поскольку это ведёт к проблемам с лишним весом.

Лишний вес, в соответствии с общепринятыми в обществе (как

российском, так и западном) установками, не является сам по себе недостатком личностных и моральных качеств человека. В то же время ценностью является «здоровое питание» и «здоровый образ жизни», как показатель социальной ответственности индивидуума в целом, его заботы не только о личном, но и общественном благополучии.

Столкновение этих положительных ценностей — забота о здоровье детей и их установках на здоровый образ жизни, с одной стороны, и правом на телесную индивидуальность, с другой, и стала причиной этического сомнения зрителей.

Выводы состоят в следующем. Вопрос об уместности использования характеристик внешности (полноты) героев, как части негативного, неодобряемого образа, действительно, является спорным, а художественный ход — рискованным с этической точки зрения.

Однако выбранная авторами широта границ ответственности родителей за благополучие детей также вполне допустимы. Это аргументируется отсутствием у ребёнка выбора модели поведения в части заботе о своём здоровье. Реклама была бы более спорной, если бы речь шла о собственном благополучии взрослого человека, указывая на негативный характер самого по себе лишнего веса как символ конфликта свободы образа жизни и ответственности перед социальными институтами (системой медпомощи).

В данном случае, учитывая манеру использованных художественных средств, ценность заботы о здоровье детей допустимо ставить выше свободы в выборе образа жизни и права на индивидуальность, в т.ч. внешности. Реклама стремится сосредоточить внимание зрителя именно на этом и не преследует цель выставить лишний вес как негативную черту саму по себе, а также не увязывает эту черту с какими-либо другими негативными социальными статусами (бедность, необразованность и т.п.).

Реклама является допустимой, этичной и не нарушает общественных нравственных норм.

Перова Н. В.

Реклама Centro de Valarização de Vida

Анализ рекламы бразильского Centro de Valarização de Vida (Центра предотвращения суицидов)¹. Реклама 2007 года, разработана рекламным агентством Сан-Паулу, распространялась по всей Бразилии. Целевой аудиторией рекламы являются люди, находящиеся на грани суицида.

Внешний вид рекламы: Белые плакаты (3 разные версии), человек «выпадает» за пределы плаката, при этом цепляется за тень самого себя, изображённую очертаниями этого человека в пределах белого плаката. На плакате написан телефон круглосуточной горячей линии Центра и слоган «Help yourself».

В теории, значение данной рекламы можно предположить следующим образом:

Когда человек находится на грани самоубийства, может казаться что никто не поможет и спасения нет. Однако общество в лице данного Центра готово помочь нуждающимся. Человеку достаточно позвонить в Центр по горячей линии и ему помогут. То есть единственное что человек должен сделать чтобы помочь самому себе — позвонить, и дальше общество ему поможет.

Однако реклама не столь однозначна, что может нести в себе существенную опасность для общества. Причем в двух аспектах, изображение и слоган. Начнем с изображения:

На двух картинках падающий человек тянет за собой еще борющуюся за жизнь тень. И то, каким образом изображена эта тень совер

¹ На момент проведения экспертизы 21.05.2022 на сайте центра (<https://www.cvv.org.br/>) найти рекламы уже не удалось, однако эти плакаты все еще есть в сети, в том числе на страницах и форумах помощи людям с депрессией и суицидальными наклонностями. Данные Центра на плакатах остаются актуальными.

шенно не дает надежд, что у тени есть хоть какие-то шансы вернуть человека обратно в пределы плаката, который, судя по всему, символизирует жизнь. На третьем плакате вообще кажется, что тень пытается вытолкнуть человека за пределы плаката как можно дальше и о спасении вообще речи не идет.

Фактически, можно говорить, что изображения демонстрируют ситуацию, когда выхода нет, а значит они не отражают тот мир, в котором человеческая жизнь имеет ценность и каждый может получить необходимую помощь от общества.

Однако намного более неоднозначным является слоган «Help yourself».

Можно перевести как «Помоги себе», вероятно это то значение, которое вкладывали авторы. То есть все что человеку нужно сделать чтобы спастись — это самому совершить звонок. Создается картина общества, в котором найти помощь легко, надо только обозначить необходимость. То есть общество, в лице данного Центра, поддерживает тех, кому нужна помощь.

Однако можно перевести также как «Помоги себе сам», что несколько меняет значение: «тебе никто не поможет, помоги себе сам». То есть мы получаем общество, в котором на суициды все равно, и каждый должен сам спасаться, потому что помощи ждать неоткуда. Человек находится в гордом одиночестве и спасти его может только слабая тень его самого, больше ждать помощи неоткуда. Твой суицид — твои проблемы.

Есть также третий перевод данного слогана: угощайся. Это произносится в значении «пробуй, наслаждайся». Например « — ты еще не пробовал печенье? — Угощайся. — Можно одолжу ручку? — На столе, бери конечно!» И в таком значении, которое является довольно распространённым в повседневной речи, плакат превращается в издевку. «Ты еще не пробовал суицид? Угощайся!»

В итоге, данная социальная реклама может восприниматься неоднозначно. Изначальный посыл «обратись за помощью, и ты ее получишь» превращается в «ты сам по себе, и никто тебе не поможет» или даже «наслаждайся, попробуй суицид». В связи с этим, учитывая чувствительность тематики рекламы и целевой аудитории, данная реклама может быть достаточно опасна.

Шестакова Е.А.

Плакаты фонда «Подарок ангелу»

Основная задача экспертизы — оценка корректности суждений о людях с ограниченными возможностями.

Цель экспертизы: выявить, как влиял и может повлиять рекламные плакаты на восприятие социумом людей с ограниченными возможностями и лиц, их окружающих.

Предмет экспертизы: рекламные плакаты фонда «Подарок ангелу»

Часть 1. Описание информационного продукта, выбранного для экспертизы.

Для анализа представлена серия плакатов, созданных по заказу негосударственного благотворительного фонда «Подарок ангелу» зимой 2021 года креативным агентством Smetana. Основной задачей плакатов, как было заявлено представителями фонда, было спровоцировать дискуссию и привлечь внимание к проблемам людей с ограниченными возможностями, а также разрушить существующие стереотипы о данной группе людей и о самих благотворительных фондах. Плакаты были размещены на московских улицах, однако в связи с многочисленной критикой были вскоре сняты. Серия представляет собой набор фраз, конфликтующих между собой по содержанию. Например: «В инвалидности детей виноваты родители» — «Может не быть виноватых». При этом вторая фраза написана ниже и гораздо менее заметна, хотя и выделена красным, в свою очередь слова «виноваты родители» подчеркнуты волнистой линией. Также сделан дизайн и остальных плакатов.

«Люди с инвалидностью зависят только от пособий» — «Часто могут работать и быть самостоятельными»

«Людам с инвалидностью хватает государственной помощи» — «Важна помощь каждого»

«Человек с инвалидностью недееспособен» — «Способен на многое»

Часть 2. Оценка воздействия рекламы.

Основной проблемой данных плакатов является не совсем корректное представление информации о существующих, как представлялось создателям, стереотипах о людях с ограниченными возможностями. С одной стороны фразы, используемые как спорные, сложно охарактеризовать как совершенно некорректные поскольку они являются частично правдивыми. Следовательно, хотя задача по представлению дискуссии и может считаться выполненной, подкрепление стигматизирующих стереотипов все же происходит. Это явно проявляющийся негативный эффект говорит о существующей дискриминации и стереотипизации даже среди самих создателей плакатов.

С другой стороны, явным недостатком плакатов является их дизайн. Предложения, которые должны быть противопоставлены как бы предложениям с заблуждениями, представлены мелким шрифтом, гораздо ниже. По свидетельствам людей, негативно отзывавшимся о плакатах, предложения просто не заметят или не будут читать. В результате в случае с первым примером «В инвалидности детей виноваты родители» атрибуция вины будет закреплена за родственниками человека с ограниченными возможностями. Плакаты же, которые говорят о недееспособности и зависимости от пособий, в некоторой мере инфантилизируют группу людей.

К плюсам данной рекламной кампании можно отнести ее результат, хотя и кратковременно, но из-за возникшего скандала пожертвования в пользу фонда за следующий месяц увеличились на 30%. Также задачу актуализировать дискуссии вокруг проблем людей с ограниченными возможностями и можно считать частично выполненной. В случае, если предложения были прочитаны полностью и верно, дискуссионная повестка была выполнена.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

TOUGH TOPICS

[Пустая страница]

[This page intentionally left blank]

Дискурсы этики. 2023, 1(17): 71—82

ISSN 2311-570X (online)

Постоянная ссылка:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_71-82.pdf

УДК 17

ДИАЛЕКТИКА «КОЛЛЕКТИВНОЙ ВИНЫ» И КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ларионов И. Ю., Манаков Д. А.

статья:

поступила в редакцию 03.03.2023

принята к публикации 16.06.2023

опубликована (онлайн) 30.06.2023

© Ларионов Игорь Юрьевич

кандидат философских наук, доцент,

заведующий каф. философской антропологии Института философии Санкт-

Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

адрес для корреспонденции: i.larionov@spbu.ru

© Манаков Дмитрий Александрович

кандидат философских наук,

преподаватель Кемеровского кооперативного колледжа, Кемерово, Россия

адрес для корреспонденции: antroposof@yandex.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация. Цель авторов – рассмотреть представление о «коллективной вине» с точки зрения двух основных нормативных систем социума – права и морали, определить его границы и условия осмысленности, а также возможные пути решения вопросов, возникающих в связи с использованием этого понятия. В тексте анализируется содержание понятия вины в уголовном праве. Показана специфика понимания вины в праве в связи понятием виновного субъекта, в том числе в отношении публично совершаемых деяний. В статье рассмат-

ривается также применение морали для обоснования использования тех или иных правовых концептов в политическом дискурсе, и в частности – в связи с представлениями о «коллективной вине». Описывается взаимосвязь «коллективной вины» и категории ответственности – как в праве, так и в морали, в особенности – возможность моральной ответственности при отсутствии юридической вины. Показано, как слово «вина» обретает метафорическую функцию, обосновывается промежуточный вывод, что вместо «вины» в таком случае правильнее употреблять термин «ответственность».

Положения статьи соотносятся с теорией ответственности К.Ясперса. Также для анализа поставленных вопросов применяются современные теории моральной агентности (*moral agency*). Показано, что кризис классического понятия о субъективности не обязательно должен приводить к формированию представлений о возможности коллективного субъекта вины и ответственности. Наконец, рассматриваться феномен принятия на себя ответственности и конструирование агентом себя как субъекта коллективной вины. Высказывается предложение о возможности интерпретации данного феномена через теорию «проективизма» С.Блэкберна.

Актуальность статьи определяется современной социально-политической практикой, а рассматриваемые вопросы имеют несомненное теоретическое и прикладное значение как в области теории права, так и в философии и этике политики и права.

Ключевые слова: философия права, вина, коллективная вина, историческая ответственность, ответственность, моральный субъект, моральная агентность, К.Ясперс.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ»

Дискурсы этики. 2023, 1(17): 71—82

ISSN 2311-570X (online)

permanent link:

http://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2023/06/DE2023_1_17_71-82.pdf

THE DIALECTIC OF «COLLECTIVE GUILT» AND COLLECTIVE RESPONSIBILITY

Larionov Igor, Manakov Dmitry

received 03.03.2023

accepted 16.06.2023

published (online) 30.06.2023

© Igor Yu. Larionov

Candidate of Science in Philosophy, Docent

Department of Philosophical Anthropology, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, St.Petersburg, Russia

Correspondence to: i.larionov@spbu.ru

© Dmitry Al. Manakov

Candidate of Science in Philosophy

Kemerovo cooperative technical school, teacher, Kemerovo, Russia

Correspondence to: antroposof@yandex.ru

Candidate of Science in Philosophy

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: In this essay we investigate the concept of «collective guilt» from the perspective of the two main normative systems of society, i.e. law and morality. We aim to determine its boundaries and conditions of meaningfulness, as well as possible ways of solving the problems arising in connection with the use of this notion. First, we give the content analysis of the concept of guilt in criminal law. We demonstrate the specificity of understanding guilt in law in relation to the concept of guilty subject as well as to publicly committed acts. We proceed with the examining the use of morality to justify the applicability of certain legal concepts in political discourse, and in particular, in connection with notions of «collective guilt». Further, we

give an account of the relationship between «collective guilt» and the category of responsibility - both in law and in morality. Most especially it is possibility of moral responsibility in the absence of legal guilt which is important here. We try to show how the word «guilt» acquires a metaphorical function, so we argue that it is the term «responsibility» that should be used instead of «guilt» in cases like this.

We compare our intuitions with of K.Jaspers's theory of responsibility. Recent theories of moral agency are also used to analyze the questions raised. We claim that the crisis of the classical concept of subjectivity doesn't necessarily lead to the justification of the possibility of certain collective agent of guilt and responsibility. Finally, we talk about the phenomenon of the assumption of responsibility and the way agent assert them self a subject of collective guilt. We suggest that doings like this could be interpreted through the theory of «projectivism» by S. Blackburn.

The relevance of this paper is determined by recent sociopolitical practice, and all those issues have great theoretical and applied significance both in the field of legal theory and in the philosophy and ethics of politics and law.

Keywords: philosophy of law, guilt, collective guilt, historical responsibility, responsibility, moral subject, moral agency, K.Jaspers.

Supported by Russian Science Foundation (RSF),
the project №22-28-00379

«Transformations of the Moral Agency: Ethical and Philosophical Analysis».

Уголовное право определяет вину, как субъективное отношение лица к собственному общественно-опасному деянию (действию или бездействию), его возможным или неизбежным общественно-опасным последствиям. Это определение однозначно указывает, на то, что вина является характеристикой конкретной человеческой личности, конкретного субъекта, однако наличие или отсутствие этой характеристики объективно. Сам виновный субъект и другие люди могут осознавать или не осознавать наличие у человека вины, но на её присутствие это никак не влияет. Хотя осознание или неосознание лицом своей вины, степень её осознания весьма значительно влияют на ответственность лица, о чём пойдёт речь ниже.

Таким образом, понятие вины сугубо индивидуальное. Однако в случае преступлений, совершаемых публично, особенно длительной публичной преступной деятельности зачастую поднимается вопрос о, так называемой, «коллективной вине», тем более, этот вопрос встаёт в случае масштабных социально-исторических катаклизмов, в которых задействованы множество людей и которые приводят к многочисленным человеческим жертвам. Концепт «коллективной вины» используется также в современном политическом дискурсе. Важно отметить, что для обоснования реальности такой вины часто прибегают к помощи морали.

Таким образом, актуальность нашей статьи определяется современной социально-политической практикой, а рассматриваемые вопросы имеют несомненное теоретическое и прикладное значение как в области теории права, так и в философии и этике политики и права.

Задачи статьи — рассмотреть понятие о «коллективной вине» с точки зрения двух основных нормативных систем социума — права и мо-

рали, а также наметить пути решения вопросов, возникающих в связи с использованием этого понятия.

Как известно, уголовное право выделяет четыре формы вины: две умышленных (прямой и косвенный умысел) и две неосторожных (преступное легкомыслие и преступная небрежность). Уголовная ответственность за преступления, совершённые по неосторожности, наступает только в случаях, специально предусмотренных статьями особенной части УК РФ. Более того, бездействие с косвенным умыслом трактуется как преступное только в случае несоблюдения определённых установленных правил или обязанностей, в частности ответственность за оставление в опасности, наступает только в случае, если лицо было обязано заботиться о потерпевшем или само поставило его в опасное положение¹.

Означает ли отсутствие уголовной ответственности, а следовательно, и вины в уголовно-правовом её понимании, в выше указанных случаях отсутствие вины вообще, хотя бы моральной? Как представляется, безусловно, нет. Если мы обратимся к гражданско-правовым отношениям, то во всех этих случаях вина и гражданско-правовая ответственность будут присутствовать, более того, в отдельных случаях вина презюмируется (например, в случае производств повышенной опасности). Гражданский кодекс РФ обязывает лицо, нарушившее обязательства, доказать свою невиновность².

Однако и в данных ситуациях любая вина индивидуальна, как и её осознание, но вместе с этим они объективны. Из объективности вины и вытекает проблема, которая заключается в том, что независимо от осознания своей вины виновным лицом или виновными лицами, она воспринимается, осознаётся, устанавливается, доказывается, а в случае очевидности и некоторых иных ситуациях, презюмируется другими

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) ст.24-26, 125.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) ст.401 п.2-3; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) ст. 1079.

лицами. В случае юридической вины проблема решается просто — наступает юридическая ответственность, независимо от осознания лицом установленной вины, более того не осознание и непризнание установленной вины фактически выступает какотягчающее обстоятельство.

Намного сложнее с виной моральной, которая установлена другими людьми или очевидна для них. Интуитивно, мораль требует от человека ответственного отношения к тому, что происходит вокруг него, если он к этому причастен. Именно в таких случаях и ведётся речь о «коллективной вине» социального окружения или каких-либо социальных групп, которая выступает как метафора объективной моральной вины всех её представителей. Безусловно, моральная вина не может влечь юридическую ответственность, однако, понятие ответственности шире юридической её формы [4].

Однако с пониманием коллективной моральной вины далеко не все однозначно.

Может быть выделено два аспекта проблемы: что имеется в виду под «виной» и возможна ли она как «коллективная».

Действительно, обсуждаемая проблематика была введена в этику XX в. в формулировке коллективной «вины» (К.Ясперс). Данное представление связано с христианским учением о вине и первородном грехе, который, как раз, не только является коллективным, но не требует от лица никакой самостоятельной активности, чтобы стать виновным. Очевиден и политический подтекст этого понятия. Как результат — слово «вина» становится метафорой. Она как бы ссылается на юридическую определенность вопроса, каковая, как мы видели, в отношении «коллектива» отсутствует. Таким образом, вместо термина «вина» правильнее употреблять термин «ответственность» и, соответственно, «коллективная ответственность». (Есть еще возможность рассматривать «вину» как эмоцию, нравственное чувство, и к этому мы вернемся ниже).

Современная этика предлагает концепт т.н. «моральной агентности (агентства)» (*moral agency*), который, несмотря на громоздкость

названия, позволяет прояснить возможные границы применения категории вины и ответственности в отношении к различным типам субъектности (агентности).

Кажется очевидным, что концепт коллективного субъекта не соответствует классическому представлению о субъекте. Исследование агентности как раз позволяет отойти от таких традиционных философских концептов. Однако поддержит ли оно представление о том, что субъект ответственности может быть коллективным?

Данная теория не требует признания той или иной исходной целостности морального агента и, тем более, наличия у него единой субстанции (Д. Деннет). Давая обзор современных теорий агентности, современный проponent этой теории К.Э.Химма приходит к выводу, что такие сущности, напр., как предприятия и организации не могут считаться моральными агентами. Наделение их самостоятельным статусом — юридическая фикция, и агентом — носителем ответственности будет ее директор, иной сотрудник, осуществляющий определенные действия [7, р.26-27]. К схожим выводам приходит известный исследователь категории коллективной ответственности Ян Нэрвисон — только индивидуальные агенты могут быть носителями ответственности в полном смысле этого слова [8, р.179-198].

Важно отметить, что речь идет не об опровержении возможности существования неких коллективных агентов как таковых, а в том, что они могут считаться моральными агентами, носителями ответственности. В примере с корпорацией часть сотрудников, акционеров и т.п. столкнутся с последствиями действий указанных агентов, но это едва ли сделает агентами их. В случае с коллективной ответственностью напр. народов мы предлагаем говорить о «политической фикции» их единства как агента. Они сталкиваются с последствиями решений государственных деятелей. В этом смысле можно употреблять термин «их ответственность».

Участием полноценного (не фиктивного) морального агента в «коллективной вине / ответственности» может быть описание себя как носителя такой вины, «принятие» ее на себя. В формулировке К.Ясперса: «Морально можно возлагать вину только на самого себя,

не на другого» [5, с.26-27]. Мыслитель следует в русле понимания нравственности И.Кантом, согласно которому нравственные обязанности не могут быть вменены субъекту извне.

В традиции аналитической этики наилучшим образом это описывает С. Блэкберн под именем «проективизма» [6]. Подобного рода своеобразный «обратный рессентимент» может быть одной из форм проявления основных свойств морального агента: намеренность, наличие убеждений и желаний «второго порядка» (Д. Денет), знания различия между хорошим и плохим, каковые не могут быть приписаны т.н. «коллективным» агентам.

В качестве примера приведем высказывание историка Сергея Медведева в эфире «Радио Свобода»: «У меня был... момент истины, когда я прочел еще западное издание «Колымских рассказов» Шаламова. Я понял свою экзистенциальную сущностную связь с тем, что происходило тогда (и моя семья пострадала), я понял, что я каким-то образом имею к этому отношение и должен что-то сделать»³.

Ответственность в объективном её понимании — это негативные последствия своего деяния, а в субъективном — готовность к таковым. Эти негативные последствия могут иметь вид событий и деяний других лиц, в том числе, юридических по форме, но не являющихся юридической ответственностью. Например, развод супругов имеющих несовершеннолетних детей, как правило, влечёт негативные последствия для одного или обоих из них в виде потери постоянного общения с несовершеннолетним ребёнком, выплаты алиментов, потери возможности пользоваться и распоряжаться частью имущества. Эти последствия не являются юридической ответственностью, но вполне могут трактоваться как ответственность за сам развод и деяния к нему приведшие.

В том же самом смысле коллективная ответственность может выступать негативным следствием деяний и моральной «коллективной вины» всех конкретных представителей социального окружения или

³ URL: <https://www.svoboda.org/amp/27235890.html> (Дата обращения 03.02.2023).

социальной группы. (Фундаментальной причиной «коллективной вины» и объективной коллективной ответственности, как представляется, выступает низкий уровень субъективной коллективной ответственности, то есть готовности представителей социального окружения или социальной группы осознавать свою моральную вину и получить негативные последствия своих деяний, включая бездействия (как и у супругов, доведших брак до развода, хотя иногда первым шагом к разводу является заключение брака) — но это отдельная тема).

Так называемую разделенную ответственность не следует смешивать с коллективной, так как она выступает, фактически, суммой индивидуальных ответственностей, объединенных единым деянием и/или ситуацией.

Итак, любая вина исключительно индивидуальна, «коллективная вина» это лишь метафора объективной моральной вины, всех представителей социального окружения или социальной группы, а объективная коллективная ответственность есть объективные негативные следствия деяний представителей социального окружения или социальной группы и их «коллективной вины».

Рассматриваемая проблема не является лишь теоретической контроверзой. Поможет ли применение представлений о некоей коллективной ответственности определить настоящих виновников тех или иных масштабных решений, не приведет ли это к фактическому сокрытию вины? Напомним позицию Ханны Арендт («Коллективная ответственность»): там, где виновны все, на деле не будет виновен никто. С другой стороны, некритическое распространение ответственности на всех членов некоего коллектива, без выяснения меры участия каждого, противоречит принципу «честности» (fair) и приведет к деградации институтов справедливости [9, p.351-355].

Несколько заключительных замечаний. Чувство вины и осознание вины — одно ли это и то же? Представляется, что нет. Осознание вины предполагает, что её наличие объективно и доказано, а чувство вины субъективно и может существовать даже при отсутствии объективной вины. Однако и осознание вины, и чувство вины строго индивидуальны, поскольку субъективны хотя бы частично, и не могут быть

коллективными. В то же время, представления о коллективном осознании вины и коллективном чувстве вины могут использоваться как метафоры. Соответственно, следует вывод, что мы не вправе требовать коллективного осознания вины или коллективного чувства вины ни от какой группы людей, даже от преступной группы, вина которой доказана. Тем более, нельзя требовать осознания вины и чувства вины ни от какого представителя той или иной группы, на основании «коллективной вины», об отсутствии объективности которой сказано выше. Требовать чувства вины, осознания и признания вины может потерпевший, обвинение же и суд вправе ожидать такового, но не требовать, от конкретного физического лица, вина которого доказана. Мы говорим «ожидать», а не «требовать», потому что с юридической точки зрения обвиняемый не обязан признавать свою вину (что не мешает исполнению приговора), при том что — наоборот — её признание не может выступать основой доказательством вины, хотя может быть смягчающим вину обстоятельством.

Наконец, можно вспомнить еще о чувстве невиновности, непричастности, вопрос о котором мы оставляем за пределами нашего текста. Является ли оно естественным и морально оправданным для лица, чье деяние прямо или косвенно, виновно или невиновно причинило вред другим? Представляется, что нет. Когда же мы сталкиваемся с лицом, испытывающим чувство невиновности, непричастности, но объективно относящимся к группе, чьи представители умышленно причиняют вред другим, можно поставить вопрос об аморальной социальной безответственности.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023).
4. Философия ответственности / под ред. Е.Н. Лисанюк, В.Ю. Перова. СПб.: Наука, 2014.
5. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999.
6. Blackburn S. Essays in Quasi-realism: a Defense of Quasi-realism as Applied to Ethics. New York — Oxford: Oxford University Press, 1993.
7. Himma K.E. Artificial Agency, Consciousness, and the Criteria for Moral Agency: What Properties must an Artificial Agent have to be a Moral Agent? // Ethics and Information Technology. 2009, №11.
8. Narveson J. Collective Responsibility // Journal of Ethics. 2002, 6.
9. Walzer M. On Promoting Democracy // Ethics & International Affairs. 2008, 4(22).
10. Zimmermann M.J. Varieties of Moral Responsibility // The Nature of Moral Responsibility: New Essays. Eds. Clarke R. et al. Oxford: Oxford Univ. Press: 2015.

References

1. Grazhdanskiĭ kodeks Rossiĭskoĭ Federatsii (chast' pervaiā) [Civil Code of the Russian Federation (Part One)], 30.11.1994 №51- FZ (ed. 16.04.2022).
2. Grazhdanskiĭ kodeks Rossiĭskoĭ Federatsii (chast' vtoraiā) [Civil Code of the Russian Federation (Part Two)], 26.01.1996 №14- FZ (ed. 01.07.2021, 08.07.2021, 01.01.2022).
3. Ugolovnyĭ kodeks Rossiĭskoĭ Federatsii [Criminal Code of the Russian Federation], 13.06.1996 №63-FZ (ed. 18.03.2023).
4. Filosofiya otvetstvennosti [Philosophy of Responsibility], ed. E.N. Lisanyuk, V.YU. Perov. St. Petersburg: Nauka, 2014.
5. Jaspers K. Vopros o vinovnosti. O politicheskoi otvetstvennosti Germanii [The Question of Guilt. On Germany's Political Responsibility]. M.: Progress, 1999.
6. Blackburn S. Essays in Quasi-realism: a defence of quasi-realism as applied to ethics. New York — Oxford: Oxford University Press, 1993.
7. Himma K.E. Artificial Agency, Consciousness, and the Criteria for Moral Agency: What Properties must an Artificial Agent have to be a Moral Agent? Ethics and Information Technology. 2009, №11.
8. Narveson J. Collective Responsibility Journal of Ethics. 2002, 6.
9. Walzer M. On Promoting Democracy Ethics & International Affairs. 2008, 4(22).
10. Zimmermann M.J. Varieties of Moral Responsibility The Nature of Moral Responsibility: New Essays. Eds. Clarke R. et al. Oxford: Oxford Univ. Press: 2015.

**XV Международная научная конференция
«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: ТРАДИЦИИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ — 2023.**

Разумность. Практичность. Человечность»

**Санкт-Петербургский государственный университет
16-18 ноября 2023 г.**

В этом году исполняется 15 лет с момента открытия первой международной конференции: «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы», за годы работы среди постоянных участников сложились тесные академические связи, что позволяет рассматривать наиболее сложные и фундаментальные проблемы, которые не теряют актуальности. Современное состояние общества ставит перед этической наукой новые острые вызовы. Активно обсуждается вопрос перспективы развития искусственного интеллекта, в частности больших лингвистических моделей, вплоть до приостановки их развития. Требуют серьезного анализа и проблемы связанные с агрессией, дискриминацией, насилием и несправедливостью как на международном, так и на межличностном уровне. Краеугольным в современных реалиях становится вопрос о месте и миссии этики вообще. Для ответа на эти вопросы мы вновь приглашаем академическое сообщество к дискуссии в рамках нашей конференции.

С 2007 года, ежегодно проводится международная научная конференция. География конференции охватывает всю широту страны: Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Красноярск, Мурманск, Кострома, Калининград, Воронеж, Саратов, Махачкала, Якутск, Омск, Екатеринбург, Волгоград, Тюмень, Рязань, Тамбов, Пермь, Омск и т.д. Зарубежные участники подключаются к дискуссии из различных точек мира: Литва, Финляндия, Испания, США, Аргентина, Бразилия, Германия, Италия, Франция, Беларусь, Польша, Словакия, Япония, Иран, Кувейт. В конференции принимают участие молодые ученые, что способствует их вовлечению в научную жизнь и появлению новых подходов к рассмотрению проблем.

Конференция как мероприятие в преддверии 300-летия СПбГУ.

Основные направления работы конференции:

1. Современное осмысление классических вопросов морали
2. Логика и аргументация в морали
3. Прикладная этика и вызовы современного общества
4. Этические проблемы прорывных технологий
5. Корпоративная и социальная ответственность бизнеса
6. Ценностные конфликты и их потенциал в моральном прогрессе
7. Этическое образование: проблемы и перспективы

Конференция проводится как в очном, так и в онлайн форматах.

Рабочие языки конференции: русский, английский.

Планируется **публикация тезисов** докладов конференции (ISBN, РИНЦ).

Информация об организационном взносе будет сообщена дополнительно.

ВАЖНЫЕ ДАТЫ:

15 сентября 2023 г. — окончание приема предложений о проведении **круглых столов** в рамках конференции (заявки просим направлять по адресу электронной почты Оргкомитета: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com)

30 сентября 2023 г. — окончание приема Оргкомитетом **заявок и тезисов докладов** для участия в конференции и публикации сборника тезисов.

до 20 октября 2023 г. — утверждение **программы** конференции, тематики секций и круглых столов, рассылка **приглашений** для участия в конференции.

Заявки на участие в конференции и **тезисы докладов** (300-500 слов) принимаются **онлайн**:

<https://forms.gle/npbXbZPPx53uohw4A>

Оргкомитет оставляет за собой право отбора материалов для участия в конференции и публикации, а также распределение докладов по секциям. Оргкомитет в содержательную переписку с авторами тезисов не вступает.

Сайт конференции: <http://theoreticalappliedethics.org/conference/>

Электронная почта Оргкомитета конференции:

theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

**XV INTERNATIONAL CONFERENCE
THEORETICAL AND APPLIED ETHICS: TRADITIONS AND
PROSPECTS — 2023.
RATIONALITY. PRACTICABILITY. HUMANITY.**

**Saint-Petersburg University, Russia.
November 16-18, 2023.**

In contemporary reality, the role and the mission ethics of itself is challenged. An intense discussion on the opportunities of artificial intelligence is currently taking place. The problems of hostility, discrimination, violence, and injustice also need to be thoroughly examined. To discuss these matters, we invite the academic community to participate in our conference.

The tradition of holding international ethical conferences at St. Petersburg State University (Institute of Philosophy) dates back to 2007. The geography of our participants over the past 5 years only: Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, Krasnoyarsk, Murmansk, Kostroma, Kaliningrad, Voronezh, Saratov, Makhachkala, Yakutsk, Omsk, Yekaterinburg, Volgograd, Tyumen, Ryazan, Tambov, Perm, Omsk, etc. The range of foreign participants is wide: Lithuania, Finland, Spain, USA, Argentina, Brazil, Germany, Italy, France, Belarus, Poland, Slovakia, Japan, Iran, Kuwait. The conference is attended by young scientists, which contributes to their involvement in scientific life.

The conference is held **both in person and online**.

Conference languages are **Russian, English**

The proceedings of the conference with **ISSN** are indexed in Russian Science Citation Index (PIHL).

The thematic areas of the conference:

1. Current comprehension of classical moral question
2. Logic and argumentation in morality
3. Applied ethics and challenges of modern society
4. Ethical issues of emerging technologies
5. Corporate and social responsibility in business
6. Value conflicts and their potential in the moral progress
7. Ethical education: problems and prospects

Within the framework of the conference young scientists' workshops are held.

Please, fill in the **application** and submit your abstract (300-500 words) online:

<https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdc1c2A78dUnB0miOKCqA7byfQAc2DANc3aS9KLEoFzhjMGtQ/viewform>

IMPORTANT DATES:

September 15, 2023 — the deadline for submitting **workshop proposals**. (Please send the proposals to the Organizing Committee e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com.)

September 30, 2023 — the deadline for submitting **applications and abstracts** for participation in the conference and in the conference proceedings.

Up to October 20, 2023 — the announcement of the **conference program** with topics of sections and workshop, the delivery of the **invitations** for participants.

The website of the Conference is

<http://theoreticalappliedethics.org/conference/>

For all questions, please contact the conference coordinators by e-mail: theoretical.applied.ethics.spbu@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Дискурсы этики» — рецензируемое научное ежеквартальное издание, цель которого — публикация оригинальных статей, результатов научных исследований, посвященных актуальным проблемам теоретической и прикладной этики, социологии и антропологии морали, истории этики и т.п., а также обзоров научных событий и новой научно-исследовательской литературы.

Материалы публикуются на русском или английском языках.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке.

Более подробная информация на сайте издания:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

INFORMATION FOR AUTHORS

“Discourses of Ethics” is a quarterly peer-reviewed academic journal. Its goal is the publication of the original papers, the research results on topical issues of theoretical and applied ethics, sociology and anthropology of morality, history of ethics etc.

Papers are published in English, or in Russian.

All submitted texts are reviewed in accordance with the procedure established by the editorial board.

For detailed information please check our website:
<http://theoreticalappliedethics.org/>

Научное издание

Дискурсы этики

Выпуск 1(17), 2023

ISSN (Печатный): 2306-9430

ISSN (Онлайн): 2311-570X

Discourses of Ethics

Issue 1(17), 2023

ISSN (Print): 2306-9430

ISSN (Online): 2311-570X

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-81587 от 03 августа 2021 г.

<http://theoreticalappliedethics.org/>

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Выпускающий редактор: к.филос.н., доц. И.Ю.Ларионов

верстка: К.И.Ключко, И.Ю.Ларионов

Издание печатается в авторской редакции.

Подписано к печати 16.06.2023. Формат бумаги 60 x 84 1/16.
Усл.печ.л. 5.12.

Онлайн-издание. Постоянная ссылка:
http://theoreticalappliedethics.org/archive/2023_1_17/